

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Баошу

ПРОДОЛЖЕНИЕ
ТРИЛОГИИ
«ВОСПОМИНАНИЯ
О ПРОШЛОМ ЗЕМЛИ»
ЛЮ ЦЫСИНЯ

fanzon

Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Баошу Баошу

Возрождение времени

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.581-312.9(73)
ББК 84(5Кит)-44

Баошу Б.

Возрождение времени / Б. Баошу — «Эксмо», 2011 — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-110827-4

В самый разгар межзвездной войны Юнь Тяньмин оказывается на передовой. Больной раком и решивший свести счеты с жизнью, он был заморожен и отправлен в космос. Там его подбирает флот Трисоляриса. После десятилетий жестоких пыток Юн сдается и начинает сотрудничать с инопланетянами. Он помогает поработить человечество. Получив здоровое клонированное тело, Юнь ведет жизнь предателя и изгнанника. Перед смертью он получает еще одну отсрочку – еще одно возрождение. Некое Сознание привлекает его в борьбе против сущности, угрожающей нашей Вселенной... Но Юнь отказывается снова быть пешкой и строит собственные планы по спасению будущего человечества...

УДК 821.581-312.9(73)

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-110827-4

© Баошу Б., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	7
Хронологическая таблица Эр	10
Пролог	11
Часть I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Баошу

Возрождение времени

##

####

Copyright © by Bao Shu Russian translation rights authorized by China Educational Publications Import & Export Corporation Ltd. All Rights Reserved

© О. Глушкова, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Возрождение времени – это не просто продолжение «Задачи трех тел», но захватывающее новое приключение, раскрывающее еще больше тайн мира Трех тел».

Пэн Хайтянь, издатель журнала Odyssey of China

«Эта история космических Ромео и Джульетты возвращает нас во вселенную Лю Цысиня (с полным благословением самого мастера)».

Publishers Weekly

«Умопомрачительно фантастично».

SF in Translation

«...вспомните историю сотворения мира в «Сильмариллионе» Дж. Р. Р. Толкина. И все это обладает трансцендентным качеством, которое может заслужить одобрение Уильяма Блейка».

Kirkus

«Возрождение времени» показывает, что все в конце концов становится частью истории и эта история обязана содержать в себе высший смысл жизни и Вселенной».

Хан Сонг, лауреат премии «Галактика»

«Весьма изобретательный мир, альтернативный творению Лю Цысиня... включает в себе все богатство и вечную красоту Вселенной».

Лю Вайтонг

* * *

*Посвящается
2-ну Лю Цысиню*

Предисловие

Создание книги «Возрождение времени» – одно из самых значительных событий моей жизни.

В начале двадцать первого века, когда Лю Цысинь только начинал приобретать известность как писатель-фантаст, я наряду со многими другими стал его верным фанатом. Мы называли себя «цыте» (что означает «магниты» – игра слов, созвучная аббревиатуре выражения «несгибаемые приверженцы Лю Цысиня») и с жаром обсуждали его книги на интернет-форумах. Как только в журнале появлялось очередное его произведение, весть об этом разносилась словно лесной пожар и мы стремглав неслись за свежим номером. В 2006 году, когда «Мир научной фантастики» приступил к публикации «Задачи трех тел», первой книги эпической трилогии «Воспоминания о прошлом Земли» (которую также называют просто трилогией «Трех тел»), я, вне себя от восторга, проглатывал каждый выпуск и изводился в ожидании следующего.

Отдельным изданием «Задача трех тел» была опубликована в начале 2008 г., а продолжение, «Темный лес», вышло спустя примерно шесть месяцев. Хотя на тот момент эти книги еще не проникли в мейнстримные литературные дискуссии, любители научной фантастики уже вовсю наслаждались роскошным пиром воображения на страницах этих двух романов. Однако по прочтении первых двух томов мне вместе с другими «цыте» пришлось приготовиться к долгому ожиданию последней части трилогии.

Прошло два с половиной года, и наконец в ноябре 2010 г. в китайских книжных магазинах появился третий том цикла «Вечная жизнь Смерти». В то время я учился в аспирантуре в Бельгии и заполучить книгу не мог. Я серьезно подумывал, не слетать ли в Китай только затем, чтобы купить ее. В конце концов мне помог мой друг Гао Сян – он сфотографировал все до единой страницы и прислал снимки по электронной почте.

Меня глубоко тронул поступок друга, но прошло много времени, прежде чем я во всей полноте осознал, какое значение имела для меня публикация «Вечной жизни Смерти». Дочитав роман, я сразу же подключился к дискуссиям фанатов, купивших книгу, как только она вышла в свет. Мы обсуждали и исследовали каждую ее подробность на интернет-форумах. Но сколько бы постов мы ни писали, величественная, грандиозная эпопея закончилась, и мы чувствовали, что с каждым днем уплываем от нее все дальше и дальше. Печаль, овладевшая нами, заставила меня принять решение: нужно сочинить несколько рассказов об отдельных героях цикла, тем самым как бы немного продлив эпичную историю. Спустя два дня я написал диалог между Юнь Тяньмином и # АА ¹ на Голубой планете и опубликовал его в Сети под названием «Три тела Х». «Х» не означало «десять», скорее имелась в виду некая неопределенная, неизвестная величина.

Это был не первый мой опыт написания фанфика по произведениям Лю Цысиня, и, разумеется, я не был в этой области первопроходцем. Но все истории, появлявшиеся до моего рассказа, в основном писались фанатами для тесного круга других таких же преданных фанатов. Я и представить себе не мог, что «Три тела Х» попадут в совершенно иной контекст. Моя книга оказалась как раз тем, чего в тот момент жаждали десятки тысяч читателей: больше историй по вселенной «Трех тел». Весьма своевременное появление моего рассказа (он был опубликован всего через неделю после выхода «Вечной жизни Смерти») привлекло к нему гораздо больше внимания, чем он того заслуживал по своим литературным достоинствам. Признание читате-

¹ Напоминаем, что это имя составлено из китайского и английского элементов и произносится как «Ай АА». Фанаты не раз спрашивали Лю Цысиня, откуда такое странное имя, но автор хранит таинственное молчание. (Здесь и дальше примечания переводчика на русский язык, если не оговорено что-то другое.)

лей побудило меня продолжить писать, развить и дополнить сюжет, живущий у меня голове, пока он постепенно не обрел завершенную форму. Прошло еще три недели, и в преддверии Рождества 2010 г. я закончил свой роман.

К тому времени «Три тела Х» распространились по всему китайскому интернету и привлекли к себе почти столько же внимания, сколько сама «Вечная жизнь Смерти». Г-н Яо Хайцзюнь, близкий друг Лю Цысиня и редактор «Мира научной фантастики», получивший прозвище «китайского Кэмпбелла» за свою роль в становлении новых писателей, вошел со мной в контакт и спросил, не хочу ли я опубликовать свой роман официально. Через несколько месяцев, когда лихорадка «Трех тел» все еще сотрясала китайский фэндом, появилось множество новых фанфиков. Но маленькое окошко возможностей уже закрылось, и эти новые произведения не привлекли такого пристального внимания, как мое. Конечно, мне повезло.

Публикуя свой фанфик онлайн, я не думал о копирайте. Само собой, когда г-н Яо предложил издать его официально, я столкнулся с массой проблем. Но Лю Цысинь проявил невиданное великодушие и доброту по отношению к новым авторам, дав мне разрешение на публикацию, и я не в силах выразить всю глубину моей благодарности. Как только книга вышла в свет, я отправил экземпляр Лю Цысиню. А после того как я опубликовал несколько оригинальных произведений и стал постоянным членом тесного круга китайских писателей-фантастов, мы с Лю подружились и часто встречались на собраниях фэндома. Он сказал мне, что ему понравился мой роман и он даже голосовал за «Три тела Х: Возрождение времени», когда присуждались награды в области китайской научной фантастики. Книга не выиграла, но поддержка и одобрение Лю стоят больше, чем десять таких наград.

Подзаголовок параквелы – «Возрождение времени» – и некоторые другие имена и названия имеют особое значение для фанатов, хотя сейчас наверняка лишь немногие помнят источники аллюзий. В период с 2008 по 2010 год, когда поклонники трилогии с нетерпением ожидали выхода последнего тома, многие строили предположения о возможном развитии сюжета и распространяли домыслы, якобы базирующиеся на предполагаемых «утечках» из рабочего черновика Лю Цысиня. Конечно, все эти слухи оказались мистификациями, и ни один из них не соответствовал содержанию опубликованной книги. Но даже такие выдумки доставляли радость измученным ожиданием фанатам, давая им возможность вообразить, чем заканчивается шедевр. Вот почему я использовал в своей книге некоторые ключевые слова из этих домыслов в память о том безмятежном времени, когда «Три тела» еще оставались относительно малоизвестной игровой площадкой, которую посещали лишь самые преданные поклонники.

Разумеется, мой параквел не снискал и не мог снискать таких же оваций, какие сопровождали саму трилогию, но верно и то, что многим читателям он очень понравился. Конечно, я не претендую на то, чтобы «Возрождение времени» считалось частью канона «Трех тел», хотя мой параквел вышел в том же издательстве, что и оригинальный цикл, и продавался вместе с книгами Лю Цысиня. Я рассматриваю его как попытку увлеченного поклонника объяснить и заполнить некоторые пробелы в оригинальной трилогии, как один из бесчисленных возможных путей, по которым могла бы развиваться вселенная «Трех тел». Часть фанатов могут отвергнуть мою книгу как несовместимую с их видением, другие могут насладиться ею, не рассматривая ее как часть вселенной «Трех тел». Думаю, это вполне понятные и законные реакции.

Спустя четыре года после публикации «Трех тел Х: Возрождение времени» и в связи с выходом в свет трилогии «Трех тел» на английском языке, China Educational Publications Import & Export Corporation, Ltd. решила представить мою книгу англоязычным читателям. Я и радуюсь, и волнуюсь. История англоязычной научной фантастики знает множество замечательных фанфиков, например трилогия «Вторая Академия» Грегори Бенфорда, Грега Бира и Дэвида Брина или эпические «Корабли времени» Стивена Бакстера – продолжение «Машины времени» Г. Дж. Уэллса, уже не говоря о коллективных вселенных «Доктора Кто» и «Звезд-

ного пути» – плодородной почве для творчества многих других писателей. Я не претендую на то, чтобы мой фанфик считали равным этим уже ставшим классикой книгам, однако у них есть кое-что общее: великие создания выдающихся гениев зовут нас в свои миры снова и снова, побуждая изливать в них нашу страсть и энтузиазм, чтобы время не прекращало свой бег, любимые персонажи возвращались к жизни, а вселенные продолжали изменяться и развиваться, и чтобы этому не было конца.

Баошу,

30 августа 2015 г.

Хронологическая таблица Эр

Эра Кризиса: 201... – 2208 гг.

Эра Устрашения: 2208 – 2270 гг.

Эра Пост-Устрашения: 2270 – 2272 гг.

Эра Космической Передачи: 2272 – 2332 гг.

Эра Космических Убежищ: 2333 – 2400 гг.

Галактическая Эра: 2273 г. – неизвестно

Эра Голубой планеты 2687 – 2731 гг.

Временная линия Подготовки Вселенной № 647:

2731 – 18 906 416 гг.

Временная линия Вселенной № 647:

18 906 416 – 11 245 632 151 гг.

Эра Конца: 11 245 632 142 – 112 456 32 207 гг.

Временная линия новой вселенной:

11 245 632 207 – ...

Пролог

**Эра Конца, год 1-й,
0 часов, 0 минут, 0 секунд,
конец Вселенной**

Давным-давно, в другой галактике...

Звезды все еще ярко сияли, галактика закручивалась мощным водоворотом и бесчисленные формы жизни по-прежнему скрывались за каждым солнцем, разделенные просторами космоса. Они прятались в углах и закоулках галактики, росли, развивались, сражались и убивали. Пульсация жизни и предсмертные стоны наполняли эту ничем не примечательную галактику, как наполняли любую другую часть Вселенной.

Впрочем, сама эта древняя необозримая Вселенная приближалась к концу своего существования.

В сфере радиусом в десять миллиардов световых лет умирали звезды – угасали невообразимо быстро, одна за другой. Цивилизации исчезали, галактики тускнели... Все снова возвращалось в пустоту, как будто никогда и не существовало.

Бесчисленные живые создания в этой галактике еще не знали, что все их битвы и поражения, массовые боины и попытки спрятаться утратили смысл. Всему мирозданию вскоре предстояло ужасно и неожиданно измениться. Само существование этих жизненных форм скоро превратится в небытие.

Слабые фотоны из уже мертвых галактик, лежащих в миллиардах световых лет отсюда, преодолели бесконечный мрак космоса, чтобы осветить эту затерянную галактику и, словно письма, не нашедшие адресатов, безмолвно рассказать полузабытые легенды Исчезнувшего.

Один из этих лучей зародился в незаметном уголке Вселенной, когда-то известном под названием Млечный Путь. Свет был таким слабым, что подавляющее большинство живых существ не могли различить его, но все же он хранил в себе бесчисленные предания, некогда перевернувшие небо и землю, потрясшие веру и разум.

Е Вэньцзе, Майк Эванс, Дин И, Фредерик Тайлер, Чжан Бэйхай, Билл Хайнс, Ло Цзи, Томас Уэйд...

База «Красный Берег», Общество «Земля – Трисолярис», проект «Отвернувшиеся», программа «Лестница», Держатели Меча, проект Космических Убежищ...

Древние предания оставались так же яркие, как будто события произошли вчера; фигуры героев и святых продолжали сверкать среди созвездий. Но память об историях поблекла и не осталось никого, кто заметил бы, как они проносятся мимо. Занавес упал, актеры покинули сцену, публику разметало ветром и даже сам театр превратился в руины.

Как вдруг...

В безмерном мраке космоса, в позабытом закоулке далеко от всех звезд из пустоты восстал призрак.

Тусклый звездный свет очертил фигуру, отдаленно напоминающую существо, когда-то известное как «человек». Призрак знал, что на миллиарды световых лет вокруг нет ни единого создания, которое распознало бы человеческие контуры. Его мир и собратья по расе исчезли давным-давно, не оставив по себе следа. Эта раса, творец цивилизации, ставшей светочем галактики, завоевавшей миллиарды миров, сокрушившей бесчисленных врагов и сложившей величественные эпосы, канула в реку истории, которая в свою очередь влилась в океан – океан времени. А сейчас и этот океан почти высох.

Но в конце Вселенной, в момент, когда время собиралось прервать свое течение, восставший призрак упрямо желал продолжить историю, которая уже завершилась.

Паря в темноте, призрак вытянул руку – да, давайте называть это рукой – и растопырил пальцы. Маленькое серебристое пятнышко света зависло над его ладонью.

Призрак смотрел на пятнышко, словно погрузившись в воспоминания, и в глазах его отражались бесчисленные звезды. Яркая светящаяся точка порхала то вверх, то вниз, будто светлячок, – такая маленькая, что могла в любой момент погаснуть, но в то же время вмещающая в себя все возможности, как сингулярность перед рождением Вселенной. Это была миниатюрная «червоточина», соединявшаяся с массивной черной дырой в сердце галактики и способная высвободить всю содержащуюся в звездной системе энергию.

Прошло время – никто не знает, сколько, потому что вокруг не было никого, кто бы взялся его измерять, – и призрак отдал приказ. Светящаяся точка трансформировалась в серебристую полоску, протянувшуюся в пространстве, словно бесконечная нить времени. В следующий момент нить развернулась в белую плоскость. А затем плоскость вздыбилась и обрела высоту – так появилось третье измерение. Но по сравнению с шириной и длиной высота была незначительна: призрак развернул гигантский лист бумаги и сейчас парил над ним.

Он взмахнул широко раскинутыми руками и полетел. От его движений поднялся легкий ветерок, и из ниоткуда материализовалась атмосфера. Лист бумаги под призраком пошел морщинками и рябью, словно на ветру. Гребни и впадины между волнами вскоре затвердели и стали горами, холмами, каньонами и равнинами.

А потом пришли огонь и вода. Все вокруг содрогнулось от мощных взрывов – это кислород и водород, возникшие из чистой энергии, запылали ярчайшим пламенем и разлились морем огня. Молекулы воды, порожденные реакцией, собрались в капли, сгустились в облака и туманы, а затем обрушились ливнем на новорожденную землю. Бесконечные струи дождя залили равнины, превращая их в обширные океаны.

Призрак пронесся над водами, словно огромная птица, и приземлился на пустом берегу. Простер ладони – одну к морю, другую к холмам – и одновременно поднял обе руки. Бронтобайты информации, хранимые внутри призрака, пробудились к жизни и, поглощая энергию из окружающего пространства, обрели форму; на суше и в воде зародилась жизнь, словно занесенная туда циклоном. Косяки рыб и стада китов выпрыгивали из волн, чтобы почтить своего создателя; из земли полезла трава, выросли деревья, звери и гады населили их; стаи птиц, маленьких и больших, полетели по небу. Шум и суета жизни наполняли этот новый мир по мере того, как материализовывались все новые организмы, росли леса, раскидывались степи, озера и пустыни.

Выполнив эти задачи, призрак тем не менее почувствовал, что чего-то не хватает, – чего-то важного. Он пытливо вглядывался в темное небо, пока не сообразил. Мановением пальца призрак очертил на темном бархате небосвода круг. Затем, отведя руку, щелкнул пальцами, и из них вылетела искра. Попав в круг, искра превратила его в огненный золотой шар. Снова засияло знакомое Солнце – или по крайней мере казавшееся знакомым. Лучи его, преломившись в атмосфере, залили светом весь мир: и лазурное небо, зеркально чистое и гладкое, и аквамариновое море, сверкающее и искрящееся.

Призрак понежился в новом свете, без которого жил так долго. Медленно поднял голову, чувствуя себя словно во хмелю.

«Похоже на Золотой век, тогда, очень давно...»

Солнечный свет озарял его кожу и волосы, дорисовывая образ типичного человеческого существа. Теперь стало ясно – или стало бы, если бы где-то поблизости оказался какой-нибудь наблюдатель, – что призрак больше не бестелесный дух, а человек, мужчина. Мужчина из стародавнего мира, который когда-то называли Землей.

А этот новый мир, в точности как мифическая Земля, манил его ощущением близкого знакомства.

Этот мир у края Вселенной был тенью той древней планеты, давно уже уничтоженной вместе с когда-то населявшими ее многочисленными человеческими цивилизациями.

Призрак знал, что по сравнению с некогда существовавшей великой Вселенной или даже по сравнению с реальной Землей этот искусственный мир был крохотным, ненастоящим и незначительным. Но он все равно сотворил его, чтобы космическая эпопея, уже завершившаяся, могла продолжиться еще немного. Пусть созданный им довесок и не станет подлинным продолжением, но разве это не радость – снова на короткое время погрузиться в этот виртуальный мир и погреться у тускнеющих углей поддельного Солнца, в то время как Вселенная неуклонно идет к своему концу?

– Это закат Вселенной, – прошептал он.

Часть I

Прошлое внутри времени

**Эра Голубой планеты,
год 2-й, наша звезда, наш мир**

Небо было мутно-серым. Знакомый послеобеденный дождик затянул озеро легкой моросью. Трава на берегу, волнуясь под легким ветерком, жадно пила сладкие капли. Игрушечный кораблик, сплетенный из травинок, покачивался на порожденной моросящим дождем ряби, все дальше и дальше уплывая от берега.

«Как будто он стремится к краю мира...»

Юнь Тяньмин сидел на берегу и бездумно швырял в озеро камешки, наблюдая, как расходящиеся круги набегают друг на друга. Рядом сидела женщина и смотрела на него, не говоря ни слова. Ветерок играл ее длинными волосами, чьи кончики гладили его щеку. Эта ласка пробуждала в нем желание.

На одно мгновение Тяньмину примерещилось, будто он находится в другом месте и другом времени – на студенческом пикнике в пригороде Пекина, в том счастливом дне, который провел рядом с Чэн Синь. Но лимонно-желтая вода, голубая трава и разноцветная галька на берегу напоминали, что сейчас другая эра и здесь другой мир – планета в трехстах световых годах от Земли и почти на семьсот лет позже.

И женщина тоже другая.

«Косой дождик, мягкий ветерок, ни к чему возвращаться домой»².

Тяньмин не знал, почему вдруг вспомнил строчку из традиционного китайского стихотворения, которое родители, одержимые идеей дать сыну классическое образование, заставили его выучить наизусть. Возвращение домой невозможно было даже вообразить – больше не существовало дома, куда он мог бы вернуться. Оставалось терпеть холодные ветры и дожди на этой чужой планете.

«Вот же дурак! – ругал себя Тяньмин. – С чего это ты вообразил, что тебе предоставится второй шанс? Что будешь сидеть у озера со своей любимой Чэн Синь и пускать игрушечные кораблики? Проснись!» Сама мысль о воссоединении с женщиной своей мечты через семь веков была абсурдом. Сам факт, что он сейчас сидит рядом с женщиной своей расы, уже был невероятным чудом.

Но еще большее чудо однажды ускользнуло между его пальцев. После разлуки длиной в семьсот лет Тяньмин мог бы увидеться с любимой, если бы прибыл на эту планету на несколько часов, да нет – на несколько минут раньше! Тогда он провел бы остаток жизни на берегу этого озера с женщиной, которую любил семь столетий, и никогда не расстался бы с ней. Но с другой стороны, женщина, которая сейчас сидит с ним рядом, была бы тогда всего лишь лучшей подругой его жены и женой другого мужчины.

Впрочем, Чэн Синь находилась сейчас совсем недалеко, всего в нескольких сотнях километров отсюда. Ясными ночами он видел ее корабль – тот медленно облетал планету. И тем не менее, хотя он и мог восхищаться ею издалека, Чэн Синь оставалась навеки недостижима.

Когда-то давно он подарил ей звезду. Но сейчас из-за неожиданного разрыва «линии смерти» она навсегда лишилась возможности приземлиться на поверхность планеты. Теперь Чэн Синь стала его звездой.

² Строка из поэмы о рыбаке, удавшем рыбу под дождем, принадлежит Чжан Чжихэ, поэту династии Тан. (Прим. Кена Лю.)

Тяньмин поморщился и привычно глянул в небо. Идет дождь, ничего не видно. Но он знал, что она там, за облаками, возможно, в этот самый момент даже проплывает над его головой...

Тяньмин опустил глаза и обнаружил, что взгляд спутницы по-прежнему устремлен на него. Он сделал вид, что не замечает. Две руки, словно лозы, обвились вокруг его шеи. Он уже приготовился насладиться этим моментом близости, когда обладательница рук заговорила. Она задала вопрос, который задают влюбленные всех эпох и галактик, рас и полов:

– Кого ты любишь больше – меня или ее?

– Конечно тебя!

– Но как именно? – не отступала # АА. – Можно конкретнее? Я думала, что Чэн Синь... – Но он закрыл ей рот поцелуем. Тяньмин не раз попадал в неловкие ситуации и вынес из них болезненный урок: в таких обстоятельствах не существует подходящих ответов, да и разговаривать вообще ни к чему.

АА отдалась поцелую, а как только он завершился, не пыталась продолжить разговор. Она робко прикусила мочку уха Тяньмина. Мгновением позже, словно не удовлетворившись этим, она крепко укусила его за плечо.

Тяньмин вскрикнул и оттолкнул ее. Галлюцинации, давно похороненные в глубинах его памяти, прорвались наружу, грозя опрокинуть его сознание. Стало трудно дышать, а думать и вовсе не получалось. Он сжал ладонями раскаляющуюся от боли голову.

– Я же просто дурачилась! – Поначалу # АА посчитала, что он переигрывает, но, взглянув на его побледневшее лицо, увидев, как дрожь прошла по его телу, поняла: он в ужасе, возможно даже впал в помрачение. Она уже бывала свидетелем таких припадков, случавшихся с ним время от времени.

– Тяньмин, что с тобой? – с тревогой спросила АА.

Он смотрел на нее перепуганными, растерянными глазами, тяжело дыша. После долгого молчания он выговорил:

– Ты... ты настоящая?

– Что ты такое говоришь? – АА перепугалась. Она приблизилась к нему, раскрыв объятия, но Тяньмин отстранился и уставился на нее с подозрением. Все его тело съежилось, как бы уходя в защиту. Он повторил вопрос:

– Ты реальный человек или галлюцинация? Может, весь этот мир – только игра моего воображения?

АА осознала серьезность ситуации. Глубоко вздохнув, она медленно заговорила:

– Я *настоящая*. Тяньмин, взгляни на меня. Я здесь, рядом с тобой. Каждый сантиметр моей кожи, каждый волосок на моей голове – все реально. Планета, на которой мы живем, абсолютно реальна. Это... это наш мир!

– Наш... мир? – переспросил Тяньмин.

– Да! Помнишь день, когда мы стояли здесь и ждали Чэн Синь и Гуань Ифая? Мы видели, как их корабль заходит на орбиту вокруг Голубой. Ты смеялся как ребенок, держал меня за руку и предвкушал ее удивление, когда ты поведешь ее в эту удивительную миниатюрную вселенную, в которой даже ты не бывал. А потом вдруг «линия смерти» расширилась, небо потемнело, не стало ни солнца, ни звезд. Поняв, что произошло, ты просто застыл, как зомби, – не плакал, не кричал... Я не понимала, насколько сильно ты любил ее, пока не увидела всей глубины твоего отчаяния.

– Я помню, – пробормотал Тяньмин, блуждая мыслями где-то далеко.

– Три дня и три ночи ты не пил, не ел и практически не спал. Я все твердила тебе, что они не умерли, что они просто живут в другой системе координат и, возможно, в один прекрасный день вы снова встретитесь, но ты, похоже, не слышал меня. И лишь на третью ночь ты заплакал. Сначала беззвучно, потом громко, навзрыд, а потом наконец ты закричал. А я... Я обняла тебя.

И услышала, как ты прошептал: «Нас только двое на этой планете! Только двое!» Помнишь, что я сказала в ответ?

– Ты сказала: «Ты мой Адам, а я твоя Ева». – Тяньмин закрыл глаза, вспоминая.

– Не знаю, как я нашла слова. – # АА закусил губу и покраснела. – Не важно... Так мы с тобой стали парой. Конечно, отчаяние не отпускало нас, но по крайней мере в тот день мы забыли о нем и... Это было прекрасно! На следующий день ты сказал мне: «Отныне это наш мир». Разве ты не помнишь?

На лице Тяньмина появилась улыбка, чего он, возможно, даже не осознавал.

– Конечно помню.

– Так как все это может быть нереальным? – спросила АА.

Ободряюще улыбнувшись, она придвинулась к нему. На этот раз он не отшатнулся. АА взяла его руки и обвила ими себя, прикинула ухом к груди Тяньмина, чтобы услышать биение его сердца. Все еще растерянный, Тяньмин смотрел куда-то вдаль, позволяя ей обнимать себя. АА покрыла его лицо нежными поцелуями, и он постепенно, нерешительно обнял ее в ответ. Его взгляд потеплел, и он ответил ей на поцелуй, а она отозвалась с еще большим пылом...

Тяньмин получил самое что ни на есть примитивное и доподлинное доказательство реальности Вселенной.

* * *

Дождь прекратился некоторое время назад, и голубая трава заколыхалась на вечернем ветерке. Закатный свет пробился сквозь облака и обвел лазурные холмы золотой каймой.

То, что случилось дальше, на Земле было бы невообразимо: голубые деревья и кусты пробудились к жизни. Они потянулись, просыпаясь, повернули сотни тысяч листьев к теплу закатного солнца и стали вбирать в себя каждую крупницу энергии. Некоторые ветки, желая получить больше света, толкали и отпихивали друг друга, наполняя воздух шелестом. Из озера взмыли четырехкрылые насекомые-амфибии, похожие на земных стрекоз, и затанцевали, всасывая питательные вещества, выделяемые голубой травой, тоненько застрекотали, привлекая пару. Насекомые противоположного пола ответили собственной песней, а затем пары закружились над озером в сложном брачном танце – священном ритуале, служащем продолжению и приумножению жизни... Все эти звуки слились в единую композицию, уникальную кантату жизни на Голубой планете.

В сердце этого нового черного домена жизнь, казалось, текла как раньше, если не считать вторжения двух скитальцев из дальнего далека. В этом мире они соединились, и здесь они останутся навсегда. Но для планеты, насчитывающей уже миллиарды лет и впереди у которой были еще многие миллиарды, чужаки были ничем – они исчезнут в мгновение ока, не оставив следа, словно пробежавшая по озеру рябь.

Глядя на садящееся солнце, Юнь Тяньмин тихо сказал:

– Я уже думал об этом мире как о сне. АА, прости, что я так вел себя. Даже сейчас я не совсем уверен, что проснулся. Не могу различить, где сон начинается, а где заканчивается. Такое впечатление, что... что все это не имеет конца.

– Не имеет конца? – удивилась АА. – О чем ты?

– Сколько тебе сейчас лет? – спросил Тяньмин.

– Не помню. По меньшей мере лет четыреста.

– А если исключить годы, проведенные в гибернации?

– Тогда двадцать... тридцать с чем-то? Нет, я в самом деле не помню, – ответила АА.

– По стандартам Эры Устрашения, ты все еще очень молода. А знаешь, сколько лет мне?

– Я бы сказала – чуть больше семисот. Но если не считать гибернацию, думаю, ты ненамного старше меня.

– Нет. Моему мозгу по меньшей мере несколько тысяч лет, может, даже десятков тысяч. – Глаза Тяньмина, когда он произносил это, казались очень старыми.

Недоумение # АА становилось все сильнее. Но вместо того чтобы пуститься в расспросы, она обратилась в слух.

С гримасой боли Тяньмин принялся объяснять:

– Знаю, в это трудно поверить. В том-то и состоит разница между нами: я провел большую часть жизни во сне, – во сне, продлившемся десятки тысяч лет.

С первого года Эры Кризиса, с того момента, когда меня... нет, мой мозг заморозили, я начал видеть сны. Бесконечные сны – вот что заполняло мое время, пока я летел в космической бездне. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что по большей части это были ложные воспоминания, сфабрикованные моим мозгом позже, потому что при почти абсолютном нуле мозг не может генерировать сны... А потом, когда трисоляриане поймали меня, они ухватились за сновидения как за самое мощное оружие и применили его для того, чтобы стимулировать меня, изучать меня... использовать меня.

Голос Тяньмина был спокоен, как будто он описывал прогулку по берегу озера. Но АА поежилась. Она понимала – и подтверждение Тяньмина было ей не нужно, – что о большей части невообразимых мучений, боли и страхов он умалчивает.

АА и Юнь Тяньмин прожили на Голубой уже год – столько прошло времени с момента расширения «линии смерти»³. Они рассчитывали друг на друга, поддерживали друг друга. За это время с Тяньмином случилось несколько подобных припадков. Тяньмин никогда не объяснял, а его подруга не пыталась выведать у него их причины, хотя и подозревала – они кроются в том, что он пережил у трисоляриан.

АА считала Тяньмина величайшим шпионом в истории человечества. Без тела, будучи лишь изолированным мозгом, он сумел проникнуть в среду пришельцев и передал людям бесценную разведывательную информацию. Сознывая, что такой успех дается дорогой ценой, ценой кровавых, жестоких пыток, которым трисоляриане подвергли Тяньмина, она страстно желала узнать правду, переложить на свои плечи часть груза былых мучений, утешить его. Но она не решалась расспрашивать, беречь его раны. Иногда она даже задавалась вопросом, смогут ли хрупкие узы любви стянуть раны, оставшиеся после выпавших ему ужасных испытаний.

И вот сегодня, когда Тяньмин, кажется, созрел, чтобы облегчить душу, сердце АА наполнила горько-сладкая радость.

– Ничего не могу с собой поделать, все время вспоминаю те кошмары. – Тяньмин нервно поковырял ногой галечник. – Во многих из этих сфабрикованных трисолярианами снов я видел себя на том студенческом пикнике: сижу рядом с Чэн Синь, мы доверительно беседуем. А потом она притягивает меня к себе, целует, меня охватывают неописуемые восторг и счастье... и в этот момент она внезапно превращается в жуткое чудовище: кожа, покрытая чешуей, острые клыки между алых губ... Она смыкает челюсти у меня на горле и утаскивает в бездонное озеро, где я тону, объятый холодным страхом.

– Какой ужас! – вскрикнула АА.

– Ужас? – Тяньмин испустил смешок, больше похожий на всхлип. – Да я еще даже не дошел до настоящего ужаса. Многие страдают от кошмаров похлеще этого. Но мои сны чрезвычайно точны в мельчайших деталях. Я до сих пор со всей отчетливостью помню, как острые зубы вонзаются в мое тело и бездушные фасеточные глаза смотрят в мои... Ощущение агонии и удушья не отличить от реального. Но это еще не все. Кошмар на этом не заканчивался. Я не

³ Год на Голубой планете состоит примерно из 400 суток, а сутки длятся около двух третей земных суток. Таким образом, год на Голубой планете чуть короче земного.

мог дышать в воде, но я и не просыпался, и не терял сознания, и уж конечно не мог умереть. Время останавливалось, а боль длилась и длилась.

Мое сознание мерцало. В одно мгновение я понимал, что галлюцинирую, в следующее забывал и снова безнадежно боролся с пожирающим меня монстром...

Голос Тяньмина стал более глухим, как будто он разговаривал во сне.

– В такие моменты я цеплялся за воспоминания об одном человеке. Словно Дантова Беатриче, она являлась мне среди облаков, окруженная ангелами, в венке из цветов на голове, одетая в огонь, как в платье. Это священное сияние пронизывало темную воду озера, даря мне надежду. Я говорил себе: «Чэн Синь – не чудовище, она богиня, которая принесет мне спасение. Она не предаст. Все это лишь проделки дьявола...» Но мир – не волшебная сказка. Моя богиня не придет и не спасет меня только потому, что я воззвал к ней. Мысли о Чэн Синь и тонкая ниточка надежды не давали мне облегчения. Вместо этого они разрывали мне сердце.

– Остановись, – сказала АА, ласково поглаживая его поросшую щетиной щеку. – Я понимаю. Забудь о кошмарах. Это только сны, и они остались в прошлом.

– Нет! Ты ничего не понимаешь! – Тяньмин оттолкнул ее руку и вскочил в возбуждении. – Это были совсем не сны! Разве не ясно? Трисоляриане стимулировали мои нейроны электрическими сигналами. Для меня все это происходило на самом деле – как сейчас, когда я вижу тебя, ощущаю тебя. На уровне нейронной активности никакой разницы нет. Они внедрили кошмары в мой мозг, делали их реальными, задействовав биологические механизмы, и защиты от этого у меня не было. Я не боролся с иллюзиями при помощи реальности – наоборот, я создавал иллюзии, чтобы побороть реальность! И выиграть в этой битве я не мог.

Какой прок был призывать Чэн Синь?! В ответ на мольбы мучители вызывали в моем сознании ее образ, давали надежду, что чудо свершилось, что спасение – вот оно, только протяни руку. А потом они опять превращали все в ад, в тысячу раз худший, чем тот, через который я только что прошел.

В одном из снов я прожил с Чэн Синь десять лет, у нас даже была чудесная маленькая дочка. Но эти десять лет радости и покоя оказались лишь прелюдией к кошмару. Великий голод поразил страну, и все мы были изнурены до того, что от нас оставались лишь кожа да кости. Мы умирали. И все же однажды Чэн Синь исхитрилась приготовить для меня жаркое. Я был озадачен: где она достала мясо? Немного поев, я вдруг увидел в углу кухни прядку волос и клочок кожи. Я был потрясен. И тут Чэн Синь выудила половником из горшка что-то круглое, мясистое... оно варилось так долго, что почти распадалось на части. Я узнал головку нашей дочери. Улыбаясь, Чэн Синь проговорила: «Очень вкусно, правда? Добавки хочешь?»

– А-а-ах! – АА схватила Тяньмина за руку, ее едва не стошнило. Она и представить себе не могла, как можно перенести такой кошмар и не сломаться.

Но Тяньмин продолжал рассказывать чуть ли не с ожесточением:

– Хуже всего то, что, хотя меня едва не выворачивало наизнанку, а моему ужасу и скорби не было предела, испытываемый мной голод, казалось, обладал собственной волей. Я ничего не мог поделать – набивал и набивал рот, ел свою дочурку, пока не наелся до отвала. Насытившись, мы с Чэн Синь предались любви, а после заснули прямо рядом с костями нашего ребенка.

Пробудившись, я обнаружил, что связан по рукам и ногам и не могу пошевелиться. Чэн Синь опустилась передо мной на колени и сообщила, что ради собственного выживания должна съесть меня. Я в ужасе смотрел, как она вгрызлась в мою руку, оторвала зубами кусок плоти, разжевала и проглотила. Она продолжала до тех пор, пока не счистила с моих костей все мясо...

АА больше не могла этого вынести.

– Прекрати! Прекрати! Умоляю! – Она отвернулась, и ее стошнило. Рот наполнился гадостным кислым вкусом.

Оправившись, она спросила:

– Но зачем? Зачем трисоляриане изводили тебя такими отвратительными иллюзиями?

– Чтобы понять людей, – ответил Тяньмин. – Подумай как следует и увидишь, что ничего странного тут нет. Хотя софоны и помогали держать все происходящее на Земле под наблюдением, они не могли понять наши эмоциональные или физические реакции без постановки экспериментов. Кошмар, который я только что описал, трисоляриане вовсе не восприняли бы как трагедию, поскольку их моральный кодекс абсолютно иной. Они часто поедают плоть других дегидрированных трисоляриан и не могут понять, почему человек испытывает такое отвращение к каннибализму. Я мог бы порассказать тебе куда более отвратительные истории. Например...

– Может, отложим все эти мерзости до другого раза? – перебила АА. Наконец-то ей стало понятно, почему Тяньмин хранил молчание о своем пребывании среди трисоляриан. – Что бы ни случилось, Тяньмин, помни одно: ты выжил в этих испытаниях и завоевал их доверие и уважение; ты внедрился в самое сердце инопланетного общества. Твои жертвы стоили того.

Тяньмин взглянул на нее с перекошенным лицом:

– Да, конечно, мои жертвы стоили того. Они способствовали уничтожению Земли и человеческой расы.

АА в недоумении воззрилась на мужа. Тот, сделав глубокий вдох, наконец поведал ей тайну, которую скрывал от всех.

– Ну как ты не понимаешь, АА? Единственной причиной, почему я смог завоевывать доверие трисоляриан и «внедриться» в их общество, как раз и было то, что я сдался. Атака капель, покончившая с Эрой Устрашения, по большому счету была делом моих рук.

* * *

Если уж искать кого-то, ответственного за уничтожение колыбели человечества, то самым подходящим кандидатом на эту роль была бы не Чэн Синь, не Юнь Тяньмин или еще кто-то, чьи решения повлияли на жизни миллиардов людей, а Томас Уэйд, посвятивший себя спасению человечества с помощью программы беспощадной борьбы. Более шестисот лет назад именно он сказал слова, определившие конечную судьбу обеих рас:

«We'll send only a brain».

– Мы пошлем только мозг.

Эта гениальная идея вытащила программу «Лестница» из мрачного тупика и вручила трисолярианам великую драгоценность – человеческий мозг. Хотя софоны и могли наблюдать деятельность человеческого мозга во всех подробностях, пассивное слежение не позволяло с необходимой глубиной изучить, каким образом люди познают и осмысливают окружающий мир. Вдобавок после того, как Отвернувшийся Билл Хайнс попытался вмешаться в деятельность мозга, лидеров человечества стали все больше тревожить опасности, связанные с нейробиологическими исследованиями. Ученым было запрещено вникать в специфику того, как биоэлектрическое взаимодействие между нейронами порождает мысли, – ведь такие исследования дали бы трисолярианам возможность читать мысли людей посредством детального нейроэлектрического мониторинга.

После первого контакта прошло два века, а мыслительные процессы людей по-прежнему были для трисоляриан непроницаемым черным ящиком. Инопланетяне жаждали провести опыты на живом человеке. Впрочем, их энтузиазм диктовался отнюдь не только научной любознательностью; скорее его питала отчаянная практическая необходимость научиться стратегическому обману.

В течение всей Эры Кризиса трисоляриане не ощущали потребности применять в отношении человечества хитрости и уловки – точно так же, как людям в борьбе с вредными насекомыми не нужна ложь, нужны лишь пестициды. Однако это не означало, что трисоляриане не отдавали себе отчета в ценности подобной стратегии для достижения других целей. С того

самого момента, когда они открыли царящий в космосе закон темного леса, трисоляриане жили в постоянном страхе перед остальной Вселенной. Они знали, что в галактике скрываются бесчисленные охотники, и тот давний обмен сообщениями между Землей и Трисолярисом наверняка будет обнаружен и расценен как угроза существованию этих самых охотников. Трисоляриане рассматривали стратегические уловки как важное оборонительное оружие, но чтобы овладеть им, нужно было сначала изучить единственный известный им вид, обладающий способностями к обману, то есть человечество.

Вскоре после того как Эванс рассказал инопланетянам об этом уникальном свойстве людской натуры, в среде трисолярианской научной элиты возникла новая отрасль знания – «обманоология». Трисоляриане надеялись, что освоить это человеческое умение будет несложно, но надежды быстро увяли. Чисто теоретически понимание принципов обмана не представляло трудности: нужно попросту выдавать ложные утверждения, и как только противник поверит им, желаемая цель будет достигнута. К несчастью, трисолярианские ученые почти сразу обнаружили, что у их расы не сформирован биологический механизм лжи и они не в состоянии применить эту нехитрую технику на практике. Примерно то же самое происходит с учеными-людьми: они способны досконально описать четырехмерное пространство средствами математики, но не могут сконструировать в уме даже самой простой четырехмерной фигуры.

Как все разумные существа, трисоляриане иногда совершали ошибки, но поскольку их язык состоял из электрических мыслеобразов, излучаемых напрямую в мозг собеседника, выдавать заведомую фальшивку за правду у них не получалось. Если трисолярианин знал, что утверждение ложное, когнитивные маркеры немедленно разоблачали его. Хотя в некоторых специфических обстоятельствах, например в дальней связи, осуществляемой при помощи техники, можно было сфабриковать сигналы ложной мозговой активности, глубокий инстинкт трисоляриан, наследие долгой эволюции от примитивных до развитых жизненных форм, удерживал их от подобного шага.

Трисоляриане надеялись овладеть искусством лжи, изучая историю человечества, а также выдающиеся работы в области политики, военной стратегии, торговли и теории игр. Но вскоре они выяснили, что не могут понять историю землян, как не могут разобраться и в теоретических работах по данным вопросам, принадлежащих перу земных ученых. (Истины ради заметим, что и среди людей эти работы понимают немногие.)

Тогда они обратились к художественной литературе, понять которую, кажется, было легче. Одно время трисолярианским ученым и политикам предписывалось читать популярные произведения, повествующие об интригах и обмане. Книги наподобие «Графа Монте-Кристо», «Приключений Шерлока Холмса» и «Троецарствия» стали бестселлерами. Но инопланетяне не обладали нужными качествами, чтобы по достоинству оценить и эти книги. Романы, которыми люди зачитывались на досуге просто ради удовольствия, трисолярианам представлялись мудреными, непостижимыми трактатами. Даже после многих лет их изучения наиболее продвинутые стратеги смогли понять лишь простейшие обманы, представленные в таких сказках, как «Красная Шапочка». Для ведения межзвездной войны эти знания были бесполезны.

После нескольких десятилетий бесплодных усилий трисоляриане были вынуждены отказаться от амбициозного плана фундаментально изменить собственную природу. Тогда они стали разрабатывать компьютерные симуляции, способные выстраивать перспективные сценарии стратегического обмана. Однако компьютеры могут лишь воспроизвести и расширить дарования своих создателей. Чтобы наделить компьютеры особыми навыками, нужно написать необходимое программное обеспечение, а чтобы написать такое программное обеспечение, необходимо глубоко разбираться в соответствующих принципах. Если люди не в состоянии найти доказательство проблемы Гольдбаха, вряд ли им стоит рассчитывать, что с этой задачей смогут справиться сделанные людьми компьютеры. Так и здесь: поскольку трисоляриане не понимали, как работает обман, этого не могли понять и их компьютеры.

Наконец после долгих лет концентрированных усилий и упорных попыток, предпринятых целыми поколениями лучших трисолярианских умов, в распоряжении которых была база данных, включающая в себя содержание всех земных библиотек, наиболее совершенные трисолярианские компьютеры научились лгать примерно как двенадцатилетний землянин. Впрочем, и это действие было возможно только в обстоятельствах, близких к земным (поскольку все сценарии, по которым тренировали компьютеры, имели земное происхождение). Такие навыки имели лишь ограниченную применимость в потенциальных конфликтах между трисолярианской и другими, еще не открытыми инопланетными цивилизациями. Во многих случаях эти «продвинутые» компьютеры не умели даже вести содержательную беседу, проваливая стандартный тест Тьюринга.

Потратив столько времени попусту, трисолярианские ученые пришли к выводу, что для овладения навыком стратегического обмана жизненно необходимо изучать настоящего, живого человека. До того как межзвездный флот достигнет Земли и завоюет ее, единственным человеком, которого могли бы заполучить трисоляриане, был Юнь Тяньмин, вернее, его мозг, уже покинувший Солнечную систему. В конце Эры Кризиса флот отрядил корабль с единственной целью – перехватить зонд, несущий мозг Юнь Тяньмина.

Человечество ошибочно истолковало отбытие этого корабля как попытку трисоляриан, осознавших подавляющее превосходство земных сил, заключить мир, и эта ошибка косвенным образом привела к уничтожению всего земного флота в битве Судного дня. В этом смысле непреднамеренный «стратегический обман» со стороны Трисоляриса, можно сказать, увенчался успехом.

Флоту удалось выловить зонд с мозгом Юнь Тяньмина только после того, как Ло Цзи ввел в действие систему Устрашения. Теперь между Землей и Трисолярисом установился хрупкий баланс сил. После многих лет блокады софонов развитие земных технологий пошло громадными скачками. Трисолярису же оставалось лишь смотреть, как его преимущество убывает день ото дня. Теперь для него основной целью стратегического обмана стала не какая-то покуда неизвестная инопланетная раса, а человечество. Хотя на Земле еще и оставались кое-какие последователи общества «Земля – Трисолярис», готовые плести интриги и играть на стороне пришельцев, трисоляриане не хотели пускаться в рискованные предприятия под пристальным взором землян, дабы те не осуществили всеобщую космическую передачу. В таких обстоятельствах стало необычайно важно прозондировать и понять мозг Юнь Тяньмина.

На выяснение базовой структуры органа трисолярианам понадобилось примерно десять земных лет. Принимая во внимание эффективность трисоляриан, которая намного превосходила человеческую, их прогресс был эквивалентен целому столетию работы земных ученых. Инопланетяне сконструировали симуляцию тела для захваченного мозга, чтобы он мог видеть, слышать, осязать, ощущать вкус и запах, а затем принялись изучать, как генерируются и передаются сенсорные сигналы.

Следующим этапом была попытка истолковать информацию, содержащуюся в памяти Тяньмина. Трисоляриане в определенные моменты стимулировали языковой центр мозга, чтобы он мог рассказать им, что он видит, слышит, о чем думает и так далее. Не умея еще читать мысли Тяньмина напрямую, они методом проб и ошибок, перебирая различные стимулы, научились вводить в его мозг любую информацию, а затем изучать его реакции по его собственным описаниям.

Поначалу трисоляриане обращались с подопытным объектом бережно, и эксперименты были осторожными и мягкими. Они показали Тяньмину множество прекрасных видов и приятных сцен. Вот эти самые опыты и оставили в сознании Тяньмина иллюзорные воспоминания о снах, которые он якобы видел в течение своего долгого полета сквозь космический мрак. Но по мере того как пришельцы детальнее знакомились с человеческим мозгом, эксперименты становились все более грубыми и бесцеремонными. Много раз мучители приводили Тяньмина

к грани безумия, но они знали уже достаточно, чтобы остановиться на краю пропасти и успокоить подопытного с помощью химических транквилизаторов, давая тому возможность восстановиться.

Хотя трисоляриане и научились читать мысли Тяньмина с относительной точностью, они обнаружили, что благодаря уникальной нервной топологии каждого отдельного человека то, что они узнали от своего пленника, применимо к другим людям только на самом базовом уровне. Нейронные структуры и паттерны высшей мыслительной деятельности, которые они изучали, были присущи только Тяньмину, и никому другому. Мечта трисоляриан научиться читать в головах всех людей оставалась недостижимой.

Таким образом, глубоко индивидуальный характер опыта и памяти сохранил природу человеческого мышления в тайне – оно по-прежнему оставалось черным ящиком. Если бы у трисоляриан был доступ к тысячам или миллионам подопытных, возможно, тогда им бы и удалось преодолеть этот барьер. Увы, у них имелся лишь Юнь Тяньмин.

И все же, имея в распоряжении только один мозг, они достигли великолепных результатов.

Еще семь земных лет концентрированных усилий по исследованию мозга Тяньмина – и трисоляриане создали первую цифровую модель этого органа. Модель содержала всю информацию, хранящуюся в разуме пленника на квантовом уровне, и могла использоваться для имитации основных процессов его мышления. После того как трисоляриане удалили из цифрового мозга все «бесполезные» человеческие эмоции и чувство видовой принадлежности, они наполнили его собственными данными, надеясь, что машинный разум поможет им плести интриги и строить козни. Трисоляриане называли эту технологию «облачным компьютерингом» – во-первых, потому что она окутывала туманом свет истины, а во-вторых, потому что «юнь» по-китайски означает «облако».

По мере того как цивилизация трисоляриан становилась все более коммерчески ориентированной, были выпущены недорогие версии цифрового мозга Юнь Тяньмина для массового потребления. Трисоляриане вживляли эти «облачные» устройства в свои органы мышления, маскируя с их помощью свои истинные мысли и достигая таким образом беспрецедентных результатов, невозможных для «неусовершенствованного» трисолярианина.

Например, традиционная беседа во время трисолярианского брачного периода могла пойти вот так:

– Моя дорогая особь-первого-пола, эта смиренная особь-второго-пола желает, чтобы наши тела соединились. – Трисолярианин, обращающийся с просьбой, делал щупальцами жест, выражающий желание. (Трисоляриане тоже делились на два пола, хотя и совершенно иные, чем у людей.)

– Пошел вон, уродина! Один твой вид вызывает у меня желание извергнуть фекальные массы! – Второй трисолярианин посылал мыслеволну, выражающую крайнее отвращение.

Такая откровенность со стороны второго трисолярианина часто приводила к ситуации, не желательной ни для одной из сторон, а именно к бешеной драке. Изобретение «облачного компьютеринга» позволяло незаинтересованной секс-особи отвечать в более деликатной манере:

– Благодарю! По-моему, ты чудесная особь. Но, думаю, я для тебя недостаточно хороша.

После такого ответа проситель уходил гордый и довольный, – возможно, даже еще более счастливый, чем если бы спаривание произошло.

Это, несомненно, было грандиозным шагом вперед для трисолярианского общества, но некоторые другие случаи применения этой технологии оказались не столь приятны. Поскольку трисоляриане не умели обманывать и отличались почти эйдетической памятью, на их планете не были в ходу физические деньги. Большинство деловых транзакций даже не регистрировались, а представляли собой лишь объявление желаемой цены и остатка на счетах. Типовая купля-продажа, описываемая ниже, в людском сообществе была бы попросту невообразима:

– Я хочу приобрести вот этот дегидратор быстрого действия. У меня есть 12 563 кредита. Сейчас я заплачу тебе 231 кредит, и у меня останется 12 332 кредита.

– Согласен. У меня было 73 212 кредитов. Только что получен 231 кредит, в итоге у меня 73 443 кредита.

– По рукам. Теперь я забираю дегидратор быстрого действия и ухожу.

При реальной же купле-продаже такие тяжеловесные диалоги не велись. Обе стороны попросту проецировали каждый свои расчеты и следили за движениями на счетах собеседника. Если один из них делал ошибку, другой тут же ее поправлял. Но облачный компьютеринг позволял трисолярианам маскировать свои истинные мыслеволны и проецировать ложные результаты. Бедняк без гроша мог объявить себя миллиардером, и что бы он ни покупал, остаток на его счету не уменьшался. Торговец мог объявить самые обычные товары люксовыми и взвинтить цены.

Популярность облачного компьютеринга едва не привела к тотальному коллапсу трисолярианской экономики. Правительство было вынуждено запретить прямое внедрение облачных устройств в органы мышления граждан под угрозой немедленной дегидрации с последующим сожжением. Чтобы обеспечить выполнение этого закона, повсюду были установлены противо-облачные детекторы. Только тогда порядок в рыночных отношениях был восстановлен.

Хотя облачные устройства и не могли быть интегрированы в мышление трисоляриан напрямую, рядовому гражданину было интересно пообщаться с имитацией мозга Юнь Тяньмина. Даже с учетом относительной медлительности мозговых процессов и явной забывчивости ум человека не уступал трисолярианскому. Собственно говоря, человеческий разум обладает некоторыми качествами, не присущими разуму трисолярианина. Люди не только обманщики – они тонко чувствуют природу, любознательны, одарены воображением и стремлением к творчеству. И непредсказуемы. В некотором смысле освоение процессов человеческого мышления – в частности, Юнь Тяньмина – послужило ключом к технологическому прорыву на Трисолярисе в конце Эры Устрашения, кульминацией которого стало изобретение двигателя, искривляющего пространство.

Вот почему трисоляриане испытывали к Юнь Тяньмину искреннее почтение и глубокую благодарность. Позже, после того как он продемонстрировал свою лояльность к Трисолярису, они наделили его очень высоким социальным статусом.

Облачные технологии, однако, показали свою недостаточность для непосредственного продвижения трисоляриан к их стратегическим целям. Второе поколение эмуляторов мозга Юнь Тяньмина пользовалось цифровыми моделями, оперирующими данными на квантовом уровне. Но, как обнаружил Хайнс еще в Общую Эру, человеческая мысль подвержена воздействию квантовой неопределенности. Трисоляриане не могли воспроизвести процессы, идущие в мозгу Юнь Тяньмина на квантовом уровне, поэтому истинная суть человеческой мысли от них ускользала. Чтобы достичь уровня сложности и многогранности, присущих разуму людей, они вынуждены были опереться на изучение подлинного человеческого мозга.

Создав три поколения экспериментальных облачных устройств, трисоляриане были вынуждены признать, что симуляция ответов не дает. Им оставался последний выбор: пробудить Юнь Тяньмина от бесконечного сна и, запугивая или улещивая, заставить его служить Трисолярису.

* * *

Юнь Тяньмин прервал свой рассказ. АА смотрела на него с напряженным лицом.

– И ты... согласился? – Она задержала дыхание, боясь услышать ответ, который разбил бы ее надежды.

Тяньмин помотал головой, но АА это не успокоило. Она догадывалась: поначалу он отказался, но после бесконечного ряда изобретательных попыток, конечно, не выдержал. АА понимала: есть предел издевательствам, которые может вынести мозг, и она не была столь наивна, чтобы презирать Тяньмина за это. И все же в глубине души ей было трудно примириться с тем, что человек, которого она любит, ответствен за уничтожение человечества. Она не желала слушать дальше.

– Мне холодно, – сказала АА, дрожа и обнимая себя руками. – Давай вернемся на корабль.

Солнце уже село, и призрачный звездный свет черного домена озарил небосвод. Температура воздуха резко упала, а на АА не было одежды – ни единой нитки.

Совсем недавно она и Тяньмин встречали на Голубой планете лето. Их первоначальное суждение о климате их мира оказалось не совсем верным. По причине значительного эксцентриситета орбиты в самый холодный период на двух третях планеты устанавливались погодные условия, близкие к земной Антарктике, зато летом температура кое-где достигала 50° по Цельсию. Жара была просто непереносимая, поэтому оба поселенца решили избавиться от одежды и жить, как в раю до грехопадения. Но времена года на Голубой сменялись быстро, и после нескольких бурь наступила прохладная осень.

Тяньмин покрутил кольцо на пальце – единственный предмет одежды, вернее, украшение, которое он носил, – и вокруг них возникло защитное силовое поле радиусом три метра. Температура внутри поля быстро поднялась до комфортного уровня. Никакого источника тепла АА не видела. Она иронически усмехнулась. Люди Эры Устрашения умели манипулировать силовыми полями с такой же точностью – эта технология использовалась для поддержания необходимой для жизни атмосферы в открытом космосе без физических барьеров. Однако людям для достижения такого результата требовалась помощь огромных машин, поглощающих уйму энергии, тогда как Юнь Тяньмину только и нужно было, что колечко на пальце.

АА не знала, откуда у Тяньмина такая передовая технология. Хотя его корабль не мог вырваться из черного домена, он вполне удовлетворял все их нужды. Даже на этой безлюдной планете наша пара поселенцев жили в относительном комфорте, сравнимом с условиями, существовавшими когда-то в Солнечной системе.

Несколькими днями раньше, плавая в озере – вода содержала немного металлических примесей, но купаться в ней было практически безопасно, – АА вспомнила о том эпизоде своей жизни, когда они с Чэн Синь экспериментировали с древним куском мыла. Она рассказала Тяньмину эту историю, а затем, наполовину в шутку, заметила:

– Ох, вот бы раздобыть кусочек ароматного мыла! Правда, было бы здорово принять здесь пенную ванну?

Конечно, она сказала это не всерьез, но, к ее удивлению, Тяньмин пошел в корабль и, вернувшись через пару минут, кинул ей брусок. Аромат у мыла был еще сильнее, чем у того, что они купили в музее сотни лет назад. Она терялась в догадках, откуда Тяньмин взял его.

А еще Тяньмин привез с собой подарок для Чэн Синь – миниатюрную вселенную. АА собственными глазами видела плавающий в воздухе прямоугольный контур. Хотя она никогда туда не входила, сама концепция представлялась ей совершенно непостижимой. Маленькая, замкнутая на себя вселенная, существующая независимо от большой, окружающей ее Вселенной? Неужели трисоляриане владеют такой продвинутой технологией? Но если это так, то с чего бы им тогда тревожиться о разрушении Трисоляриса? Могли бы расселиться по таким мини-вселенным, и дело с концом. Так как же этакое чудо попало в руки Юнь Тяньмина?

АА решила не уходить со свежего воздуха.

– Я уже согрелась. Может, продолжишь? Лучше выговориться и снять груз с души. Я в любом случае на твоей стороне.

Тяньмин в глубокой задумчивости поднял лицо к небу. Прошло много времени, прежде чем он заговорил опять.

– Расскажу тебе о том дне, когда я проснулся, о дне, который никогда не забуду.

* * *

Тяньмин проснулся и увидел, что лежит в кровати.

У него было тело.

Должно быть, клонированное, решил он. Это было тело без раковых клеток, и Тяньмин чувствовал себя здоровее и сильнее, чем когда-либо на Земле. Все вокруг было автоматизировано. Трисоляриан нигде не видно. «Возможно, пришельцы не хотят мне показываться, потому что их устрашающая инопланетная наружность может помешать эффективному общению», – подумал Тяньмин.

Он поднялся и осмотрел комнату. Дверь не была заперта. Мгновение поколебавшись, он толкнул ее, вышел наружу и оказался в саду. Он увидел знакомую со времен Общей Эры картину: газон, мостик через узкий ручеек, альпийская горка, маленькая пагода... Модель, сделанная трисолярианами в соответствии с их представлениями о Земле. Сад окружала высокая стена, не позволявшая увидеть находящееся за ней. Пушистые облака плыли в чистом небе, сияло яркое и теплое солнце.

Тяньмин сообразил, что все это место – лишь часть трисолярианского корабля, превращенная в комфортабельную клетку специально для него. Небо, скорее всего, – голографическая проекция. Интересно, как трисоляриане намереваются общаться со своим пленником?

И тут в небе появилась строчка:

«Дорогой господин Юнь Тяньмин, добро пожаловать в наш мир».

Приветствие потрясло Тяньмина – впервые трисоляриане заговорили с ним. Но он сумел сохранить самообладание и кивнул.

– Как делишки? – спросил он.

«Хорошо. – Трисоляриане перешли прямо к делу. – Мы разбудили тебя, потому что нам надо, чтобы ты помог нам завершить план завоевания Земли».

Вот оно.

Саркастическая усмешка приподняла уголки рта Тяньмина. Требование не стало для него сюрпризом. Когда он на церемонии в ООН отказался поклясться в верности человеческой расе, он знал, что этот день может прийти. Время принять решение.

– И какой мне резон предавать своих соплеменников? – холодно спросил он.

«Границы между видами – отнюдь не непреодолимые пропасти. На Земле многие уже поклялись нам в верности, не дожидаясь наших просьб».

– Прошу прощения, но вы жестоко ошибаетесь, приравнивая меня к этим жалким трусам из ОЗТ.

Пришельцев его ответ не рассердил.

«Нам всем известно, что земляне обошлись с тобой безжалостно. Вовсе не случайно, что ты оказался среди нас. Благодаря изучению твоего мозга и твоего разума за последние несколько лет наше общество далеко продвинулось по пути прогресса, и твое имя пользуется высочайшим уважением среди трисоляриан. Если ты согласишься помочь нам, ты станешь самым почитаемым гражданином Трисоляриса, чьи привилегии будут уступать лишь привилегиям правителя. Мы понимаем, что наши материальные блага, возможно, не представляют для тебя интереса, но как только наш флот прибудет на Землю, в твое распоряжение поступят ресурсы целой планеты и ты получишь все, о чем только может мечтать человек».

Тяньмин ощерился:

– И зачем оно мне, если человечество будет уничтожено?

«Мы не станем искоренять все человечество; ваш род, безусловно, продолжится. Ради одной только необходимости в научных исследованиях потребуется сохранить небольшую популяцию – скажем, от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов человек. Мы устроим для них на Земле резервацию, и ты станешь их абсолютным правителем. С помощью наших передовых технологий ты будешь жить лучше, чем любой король или император в истории вашего мира».

Поскольку трисоляриане не умели врать, Тяньмин знал, что их посулы искренни.

– А если я откажусь? – осведомился он.

«Тогда мы огорчимся. Но мы тебе ничего не сделаем... разве что вернем обратно в твои сны».

Тяньмина сотрясала неконтролируемая дрожь. Он понимал, что крылось за этим обещанием: сплошной беспробудный кошмар. Это будет хуже, чем любая физическая пытка.

Так, с него хватит. Почему он должен жить с этим адом в голове? Ради своих соплеменников-людей? Да что они такое – люди?! Они вытащили его из тихой гавани эвтаназии, вырезали мозг, заморозили его, сунули в космический зонд и отправили навстречу судьбе, которая хуже смерти! С какой радости ему заботиться о них?

Темные мысли замелькали в его голове, требуя не быть глупцом. Трисоляриане терпеливо ждали ответа.

– Мне жаль, но я вынужден сказать нет, – проговорил он. Тяньмин и сам не совсем понимал, почему выбрал сопротивление. Знал лишь, что если даже все люди на Земле проклянут его как предателя, никакого чувства вины он ощущать не будет. Это не его бремя, не его ответственность. Скорее всего, он отказался не из чувства долга, а из какого-то анахроничного благородства.

Сохранять свободную волю, отказываться от участи раба, презирать как соблазны, так и угрозы – вот что составляет достоинство и гордость каждого человеческого существа. Это то, чего трисоляриане, исповедующие единственную философию – философию выживания, никогда не смогут да и, наверное, не захотят понять.

«Может быть, тебе нужно больше времени, чтобы подумать над нашим предложением? Мы заметили, что людям требуется поразмыслить, прежде чем принять важное решение».

– Не нужно, – отрезал Тяньмин.

* * *

...Он не представлял, сколько прошло времени.

Он стоял на обрамленной деревьями аллее, золотые листья кружились в воздухе и падали на землю. Была осень. Перед ним расстился центральный газон университетского кампуса. На травке сидели, уткнувшись в книги, несколько студентов; в отдалении обнималась какая-то парочка; на баскетбольной площадке рядом с газоном шла игра, спортсмены криками подбадривали друг друга... Тяньмин бесцельно побрел по дорожке. Должно быть, он по-прежнему здешний студент, но был слишком потрясен, чтобы задумываться, как он сюда вернулся.

Весь мир, казалось, осветился, когда в конце аллеи появилась знакомая фигурка. По мере того как расстояние между ними сокращалось, фигурка – молодая женщина в бледно-желтой ветровке – увеличивалась в росте. Подойдя, она остановилась перед ним, на ее лице заиграла улыбка.

– Ты пришел, – сказала она.

Тяньмин услышал ласковые нотки в голосе Чэн Синь. Увидел, как она берет его за локоть и прижимается к его боку, словно они пара влюбленных. Он впал в замешательство. «Когда... как...»

Любовь и нежность переполняли его сердце, но он сразу же понял, что происходящее слишком прекрасно, слишком сладостно, чтобы быть правдой. С глубоким содроганием он осознал, что это еще один сон – начало очередной страшной пытки.

– Нет! – закричал он. Но не проснулся. Чэн Синь смотрела на него в недоумении.

Встревоженный, Тяньмин оглянулся вокруг. Что сейчас произойдет – небо расколется и обольет его потоками крови? Или земля разверзнется под ногами? Или все эти студенты превратятся в зомби и нападут на них с Чэн Синь? А может, сама Чэн Синь обратится в мумию с клочковатыми белыми волосами или чудовище с кровавыми нарывами по всему телу? Их закопают живьем? Или хладнокровно разрежут на куски? Какие ужасы, какое зло ждет их в этом райском сне?

– Что с тобой, Тяньмин? – заботливо спросила Чэн Синь. – Ты в порядке?

Он смотрел в ее ясные невинные глаза и не мог даже подумать о том, какие мучения и пытки придется ей вытерпеть. Тяньмин упал наземь, не в силах выносить эту извращенную версию «жизни».

– Прекратите! Пожалуйста. Я не хочу больше видеть сны... Я... я буду вам помогать. Вы меня слышите?!

Все вокруг исчезло. Тяньмин оказался в постели, в той комнате, где проснулся в первый раз. Все его тело было мокро от пота.

– Прошу вас только об одном, – произнес он. – Я хочу каждую ночь видеть сны о Чэн Синь – что мы с ней вместе. Счастливые сны, не кошмары.

«*Не проблема*», – ответили трисоляриане парящей в воздухе строчкой. Тяньмин вообразил хищные усмешки на лицах пришельцев, написавших эти слова. Наверняка они думают: «Ты всего лишь клоп. Как бы ты ни брыкался, мы все равно победим».

* * *

Прервав рассказ, Тяньмин, однако, не очнулся от воспоминаний. # АА обняла его сзади и прошептала:

– Ты ни в чем не виноват. Не виноват!

Но она запуталась в собственных противоречивых эмоциях, страх и горечь росли в ее сердце.

Герой, которого она возвела на пьедестал, оказался таким же уязвимым, как самый обычный человек.

На лице Тяньмина опять появилась кривая усмешка.

– Моя история совсем не так проста.

* * *

Достигнув понимания с пленником, трисоляриане предоставили ему все данные и документы, которые он затребовал. В общей сложности этой информации хватило бы на огромную библиотеку. Потратив некоторое время на просмотр файлов, Тяньмин объяснил, что задача – помочь трисолярианам обмануть людей – крайне трудна и ему надо подумать.

Инопланетяне оставили его наедине с собственными мыслями. Тяньмин расхаживал взад-вперед по своему искусственному миру, время от времени присаживаясь, чтобы отдохнуть. В саду возвышалась семярусная пагода. Он взобрался на самый верх и стал обозревать окрестности с высоты, погружившись в глубокую задумчивость.

На следующий день он вернулся на вершину пагоды и пробыл там около часа. Трисоляриане его не беспокоили. Тяньмин пришел к выводу, что они, возможно, ослабили бдительность.

На третий день он опять взойшел на пагоду, но, взойдя наверх, перепрыгнул через перила и полетел вниз с более чем двадцатиметровой высоты.

Он заранее продумал последовательность действий: первоначальный отказ, затем признание поражения во сне и согласие на сотрудничество после пробуждения. Целью всей затеи была его собственная смерть. Гравитация на корабле была примерно такая же, как на Земле, и Тяньмин долго и тщательно взвешивал, где и как совершить прыжок. Он летел головой вниз; как только его череп расколется, мозг разлетится брызгами. Какими бы передовыми технологиями ни обладали трисоляриане, Тяньмин подозревал, что *это* разбитое яйцо им не собрать. Единственное, чего он боялся, – это что трисоляриане смогут навести силовое поле, которое задержит его в воздухе и не позволит разбиться.

Земля приближалась стремительно, заполняя все поле его зрения, и у него едва хватило времени на вспышку радости и облегчения перед тем, как настала тьма. Юнь Тяньмин совершил самое счастливое самоубийство за всю историю человечества.

* * *

– Так как же они оживили тебя? – Голос АА дрожал. Осознание того, что Тяньмин остался жив после попытки самоубийства, не изгнало не поддающийся описанию страх из ее души.

– Я снова проснулся и обнаружил, что лежу на постели в той же комнате, жив и невредим. Все в точности как раньше.

– Но... но как же это? Ты хочешь сказать... Ох... – АА догадалась.

– Верно. Я никогда не прыгал с пагоды. – На лице Тяньмина появилось выражение насмешки над самим собой. – Не существовало ни пагоды, ни пробуждения, ни клонированного тела. Все это было очередным сном, который они внедрили в мой мозг. Трисоляриане не встревожились, потому что в действительности никакая опасность мне не угрожала. Сознательного обмана с их стороны не было – они не информировали меня об этой подробности, потому что не посчитали ее важной. Хотя общение со мной во сне велось просто из соображений удобства, позже трисоляриане сказали, что на них произвела впечатление моя попытка применить хитрость с последующим самоубийством – сами они не в состоянии придумать такую уловку. Они подозревали, что если бы наделили меня клонированным телом, то остановить меня им бы не удалось. Это лишний раз убедило их, что они сделали верный выбор, что я способен на стратегическую ложь. Какая ирония, не правда ли?

После этого поединок воли между мной и трисолярианами разгорелся с новой силой. Я отказывался сотрудничать, и в наказание они сострепали множество чудовищных кошмаров. Каждый раз, когда силы оставляли меня, я соглашался помогать, а потом придумывал всяческие предлоги, чтобы потянуть время, или выдавал им негодные идеи. Понятно, что дурачить трисоляриан становилось все труднее, ведь они изучали мой мозг уже так долго, что мои мысли стали для них более прозрачны, чем мысли какого-нибудь другого человека.

С другой стороны, ужасы и пытки постепенно закалили мой разум и я даже научился сознательно подавлять ощущение физической боли, которую мучители проецировали в мой мозг. Наконец им надоела эта игра в кошки-мышки, и они решили воздействовать на мозг напрямую, без моего согласия.

– Как это – напрямую? – спросила АА.

Тяньмин объяснил, что человеческий мозг можно в каком-то смысле считать машиной для решения проблем. Если его простимулировать, он ответит определенным, предсказуемым образом. Чаще всего это происходит без вмешательства сознания. Многие важные когнитив-

ные задачи решаются на подсознательном уровне, сознание обеспечивает лишь дополнительные функции, такие как мониторинг, хранение, организация и корректировка. Тем не менее, если подопытный не желал сотрудничать, они могли произвольно вмешиваться в эти почти автоматические процессы. Чтобы заставить подсознание Юнь Тяньмина служить им, трисоляриане аккуратно изолировали его сознание от остального мозга, а потом воспользовались компьютерами, чтобы контролировать и направлять оставшиеся когнитивные функции.

Но опыт провалился. Истязатели обнаружили, что компьютер не может заменить рефлексивную и корректирующую функции живого сознания, – особенно трисолярианский компьютер, плохо совместимый с человеческим разумом. Трисоляриане должны были заставить всего Тяньмина служить им, включая и его сознательную волю.

Поэтому, чтобы получить хотя бы некое подобие сотрудничества, они прибегли к другим способам. Например, накачивали мозг пленника наркотиками, вводя того в галлюцинаторное состояние, и пытались вытянуть из него методы стратегического обмана. Однако затуманенный разум Тяньмина не желал генерировать полезные идеи.

Трисоляриане попробовали также применить способ, который Тяньмин позже окрестил «психошоковой терапией». Он состоял в том, что подопытному давали задачи и принуждали думать, как их решить. Как только Тяньмин пытался сопротивляться, его мозговой центр подавал специфический сигнал, запускающий механизм шока: мощная волна стимулов причиняла Тяньмину ошеломляющее душевное страдание и вызывала ощущение непереносимой физической боли. Такими методами трисоляриане надеялись сломить строптивца.

Вначале им сопутствовала некоторая удача. Но затем Тяньмин научился пользоваться некоторыми ментальными приемами, похожими на практики йоги и чань-буддизма. Вместо активного сопротивления он приводил свой рассудок в состояние пустоты. Он ни о чем не думал и тем самым уводил мысли в тайный сектор, где они текли, никем не прерываемые. Он также развил в себе почти сверхчеловеческую способность терпеть физические пытки, которым подвергали его трисоляриане, и выходить из них несломленным.

Обычный человек использует только крохотную часть своего мозга, а бессердечные трисоляриане непреднамеренно заставляли Тяньмина открывать все новые и новые возможности своего безграничного умственного потенциала. Несмотря на повторные массированные атаки в этой эпической психомании⁴, технологически гораздо более развитые трисоляриане так и не смогли проделать брешь в крепостной стене, которой Тяньмин окружил свой разум, и вынуждены были признать поражение.

* * *

Недоумение АА росло.

– Если трисоляриане не смогли победить твой разум, почему же ты все-таки поддался им?

Тяньмин ответил вопросом на вопрос:

– Как ты думаешь, в чем ключ к успешной лжи?

АА поколебалась.

– Думаю... в правдоподобных деталях? Или, может, в понимании психологии противника?

– Нет. В искренности. Надо быть настолько искренним, чтобы даже отъявленный лжец тебе поверил. – Тяньмин вздохнул.

Трисоляриане отнюдь не отличались единодушием. Встреча с цивилизацией людей потрясла их общество до основания. В первые годы Эры Устрашения, когда шла борьба за душу Юнь Тяньмина, трисолярианское общество само столкнулось с беспрецедентным кризи-

⁴ От греческих слов «психе» – душа и «махи» – битва, борьба.

сом. Устрашение положило конец мечтам о завоевании Земли, и осознание провала привело к социальной нестабильности. Популярность земной культуры и облачный компьютеринг нанесли еще один удар основам традиционного трисолярианского общества. Засверкали искры недовольства, бунтарские настроения стали распространяться как по Трисолярису, так и в межзвездном флоте. И тут неожиданно грянула Эра Хаоса, приведшая к социальному коллапсу и буре трисолярианской революции.

Поскольку трисоляриане жили в крайне враждебных для жизни условиях, стабильность была превалирующей идеей их политической философии. За всю историю планеты произошло очень немного событий, которые можно было бы расценить как настоящую революцию. Даже если когда-либо в народе и зрели зерна восстания, неспособность трисоляриан ко лжи делала невозможным использование обычных революционных методов вроде тайных заговоров или подпольных организаций. Трисоляриане, исповедующие крамольные идеи, не умели их маскировать, а это значит, что их схватили бы за мыслепреступления задолго до того, как они претворили бы свои намерения в жизнь. Мысль о том, что можно организовать тайное общество с целью изменить статус-кво, стала посещать головы трисоляриан только после контакта с человечеством.

Но теперь у них имелся облачный компьютеринг. Хотя рядовым гражданам применение устройств было запрещено, правительственные и армейские исследовательские институты по-прежнему располагали некоторым их количеством. Благодаря маскирующим возможностям этой техники революционеры избегали разоблачения вплоть до периода социальной нестабильности в конце Эры Порядка, а когда наступила Эра Хаоса, они подняли бунт. Тот покатился словно снежный ком и вскоре вышел из-под контроля. Революционерам сопутствовал успех, превзошедший их самые смелые мечты, потому что правящая элита была застигнута врасплох. Всего одна ночь – и старый порядок рухнул.

Восставшие на Трисолярисе свергли старого правителя и властную элиту и отказались от планов стратегической контратаки против Земли. В глазах нового правительства земная цивилизация была окутана романтическим флером, и новые лидеры стремились заключить мир с землянами в обмен на возможность поселиться на одной из планет Солнечной системы. По каналам мгновенной софонной связи они взяли на себя командование межзвездным флотом. Хотя на флоте господствовали «ястребы», поставившие себе целью завоевать Землю и уничтожить человечество, они подчинились новому правительству. Послушание было инстинктивной реакцией большинства трисоляриан, ведь они не привыкли говорить одно, а замышлять другое.

Находясь на межзвездном корабле, Тяньмин не знал всех подробностей случившегося на Трисолярисе, однако он быстро ощутил некие перемены в своих тюремщиках. Мучения, которым они его подвергали, становились все реже, а потом и вовсе прекратились. Через некоторое время инопланетяне возобновили контакт с ним и сообщили, что дома, на Трисолярисе, произошли кое-какие перемены. Теперь они хотели, чтобы Тяньмин выступил в роли моста между двумя цивилизациями и помог выстроить отношения дружбы и доверия.

– Минутку! – воскликнула АА. – Но ведь это наверняка была уловка! И ты что – поддался на нее?

Хотя сама АА одно время верила в дружелюбие трисоляриан, опыт инопланетного завоевания разбил ее иллюзии целиком и полностью. Она бы никогда не поверила ничему, сказанному трисолярианами.

– Нет, это не была уловка, – ответил Тяньмин, качая головой. – Если бы трисоляриане были способны на такой хитроумный обман, им мои услуги были бы ни к чему. Если бы я пошел на сотрудничество с ними, возможно, я и впрямь смог бы помочь двум народам найти способы мирного сосуществования. Но история полна неожиданных поворотов и иронических вывертов... Я упустил шанс.

Тяньмин не поверил в искренность своих мучителей и продолжал упорствовать. На этот раз трисоляриане, занятые проблемами, возникшими в ходе революции, оставили его в покое, дали спокойно спать и видеть сны. Они больше не мучили его искусственно созданными кошмарами и не будили. С этого момента Тяньмин жил в мире собственных грез и не осознавал течения субъективного времени. Может, он провел так две тысячи лет, а может, и пять, и десять тысяч.

– А сколько на самом деле? – спросила АА.

– Объективных ориентиров, таких как восходы и закаты солнца, там не было, поэтому не могу сказать точно. В реальности, возможно, прошло лет двадцать, но для меня это было все равно что тысяча. В одной из своих грез я даже основал цивилизацию и наблюдал ее расцвет и падение...

– Они замкнули тебя в царстве снов на тысячелетия?! Это... это же куда страшнее, чем смертная казнь! – рассердилась АА.

– Да вовсе нет, – возразил Тяньмин. – Этот долгий-долгий сон был самым счастливым временем моей жизни. Я существовал внутри собственного разума, и никто меня не беспокоил. Такого счастья я не испытывал, даже живя на Земле.

После многих лет жесточайших умственных пыток мой разум превратился в точнейший инструмент. Я не только создал с его помощью невообразимо огромный внутренний ландшафт – я был полновластным хозяином этого нового домена. Образование в области классической литературы, которое навязали мне родители в юности, оказалось бесценным – оно снабжало меня сырьем для строительства мира моих грез. Я вместе с героями эпоса отплывал на «Арго» за золотым руном, готовый сражаться с морскими змеями и прочими чудовищами; или следовал за Гренгуаром по темным улочкам средневекового Парижа, слушая перезвон колоколов Квазимодо; или летел на облачной колеснице, запряженной крылатыми конями, над укрытыми снегом вершинами, чтобы навестить Царицу-Мать Запада в горах Куньлуня...

Я не просто был гостем в этих мирах – я их создавал. Воображал себе мельчайшие детали этих вселенных: новозаветный Иерусалим, или Ад и Рай «Божественной комедии»; или Бяньлян⁵ с полотна «По реке в День поминовения усопших», или Небесный дворец и Чистые Земли Будды, как они описаны в «Путешествии на Запад»... Я также придумал немало чудес, дотоле никем не описанных: царства на лепестках цветов, вселенные в ореховых скорлупках, огромные города на морском дне, сады, парящие в космосе...

Я был творцом этих грез, а потому мне не надо было вникать в технические детали или следовать научным законам. Все, что от меня требовалось, это вообразить их – и они возникали. Да будет свет, объявлял я, и вселенная сияла. Я воздвигал здания, которые, согласно законам механики, не могли существовать, однако существовали – величественные, впечатляющие, возвышенные... Я конструировал чудеса, перемешивающие времена и пространства: Венецию в пустыне, первобытный лес в сердце громадной столицы, водопады, ниспадающие на землю со звезд, тропические острова, парящие в воздухе...

Я населил свои миры колоритными персонажами и изумительными сказаниями. В них были войны между богами, таинственные сокровища, легендарные герои, юные искатели приключений, любовь, выжигающая душу и разбивающая сердца... Собственно, большую часть историй, позже рассказанных трисолярианам, я сочинил именно в то время.

– Вот как? – воскликнула АА. – А я-то думала, тебе пришлось тяжело трудиться, выдумывая все эти волшебные истории, и всё только затем, чтобы замаскировать тайные послания в трех сказках для Чэн Синь!

⁵ Бяньлян – старинное название Кайфэна (Кайфына), городского округа в провинции Хэнань. Во время империи Сун (960–1127 гг.) был столицей Китая. Это он запечатлен на знаменитом живописном свитке «По реке в День поминовения усопших» (XII в.), не раз упоминающемся на страницах трилогии Лю Цысиня «Воспоминания о прошлом Земли».

– Не так уж тяжело, – улыбаясь, сказал Тяньмин. – Когда твое время ограничено, тебе почему-то хочется помедлить, расслабиться, подремать. А когда у тебя времени вдосталь, тебе не хочется делать ничего другого, кроме как творить. Те сказки были лишь малой частью всего того, что я насочинял.

– Тогда почему бы тебе не рассказать мне какую-нибудь из своих романтических историй? – попросила АА. Ее так захватил рассказ Тяньмина, что она позабыла, *зачем* он все это говорит. Она с нежностью обвила руками его шею и прильнула к плечу.

– Ладно. Что же тебе рассказать... О, знаю. Вот одна из моих самых любимых историй.

В Древнем Китае, у истоков реки Янцзы, в деревне у подножия гор Тангла жил юноша-тибетец. Юноша любил представлять себе мир за горами, в котором никогда не бывал. Однажды через деревню шел купец из срединного Китая. Паренек повсюду следовал за ним и расспрашивал обо всем, что тот повидал. Купец рассказал, что ручей, бегущий мимо их деревушки, уходит на восток и, вбирая в себя множество других ручьев и речек, становится шире и глубже, течет в ущельях между гор и по равнинам, огибая холмы; и, преодолев двенадцать тысяч ли, впадает в бескрайнее море. Это самая могучая река в стране.

Паренек не знал, что такое море, и купец поведал ему, что это водоем, такой огромный, что корабль не может доплыть до другого берега. В него впадают все реки мира, и зеркало его вод больше любой суши, а синева так же чиста, как небесная лазурь. Около моря, в нижнем течении реки Янцзы, расположена Цзяннань – страна зеленых холмов и подернутых дымкой озер, где расписные беседки и изящные домики красуются на лугах, подобные фигурам на картине или словам в поэме. Женщины, одетые в струящийся шелк, гребут в легких челноках по спокойным водам и напевают песенки на нежном, утонченном наречии У.

Юношу зачаровал рассказ купца, и он захотел уйти с ним в Цзяннань, но никто в деревне не поверил байкам проезжего торговца, и родители непустили сына. Купец ушел, но оставил новому знакомому бутылочку из Цзяннани. Юноша написал письмо на тибетском диалекте, в котором обрисовал свои мечты и фантазии, вложил его в бутылочку вместе с кусочком чистого нефрита с близлежащих гор, запечатал и бросил в ручей, бегущий за деревней, с надеждой, что река принесет его послание в Цзяннань, за тысячи ли отсюда.

Через полгода одинокая девушка гуляла по берегу Янцзы за стенами Цзянькана – Города Камней и самой большой столицы в мире, увидела бутылочку, качавшуюся на волнах, и...

Тяньмин остановился, увидев на лице АА ужас, – ужас при осознании грозной тайны.

– Но... но это же «Сказки Янцзы»! – наконец воскликнула она. Сотни лет назад АА показала этот удостоенный многочисленных наград фильм своей подруге Чэн Синь. Поскольку после этого АА провела большую часть времени в гилбернии, фильм все еще был свеж в ее памяти.

Ты живешь на одном конце Янцзы, а я на другом.
Я думаю о тебе, любимая, каждый день,
хоть нам и не встретиться.
Мы пьем из одной реки.

АА была так счастлива поделиться с Чэн Синь этим великолепным произведением искусства, сообщив ей, что его создали трисоляриане! А по словам Тяньмина, эту историю соткал его разум во сне...

– Верно, я рассказываю тебе «Сказки Янцзы», – спокойно подтвердил Тяньмин. И тем же ровным тоном сделал следующее признание: – Этот фильм, как и огромное множество других так называемых художественных произведений трисоляриан, я сочинил во сне. Трисоляриане завоевали доверие землян с помощью моих грез.

* * *

Стратегической целью трисоляриан было уничтожить земную систему гравитационной связи, так чтобы земляне не успели осуществить всеобщую космическую передачу, положив тем самым конец Устрашению. Для этого необходимо было склонить землян к выбору на пост Держателя Меча кого-нибудь добросердечного и слабого, например Чэн Синь. А единственным способом достичь этой цели было убедить землян, что трисоляриане больше не представляют угрозы.

Уверить людей в том, что у трисоляриан вырваны клыки, можно было по-разному, но наиболее эффективный метод – это установить отношения доверия и доброй воли. Чтобы люди поверили захватчикам, в них нужно вызвать эмпатию к пришельцам, внушить им мысль: «Они такие же, как мы».

Эта цепочка рассуждений сложилась в результате многократных долгих дискуссий между трисолярианскими лидерами. Но они не представляли себе, как выполнить первую задачу в этой цепочке, а именно: изменить восприятие людьми трисоляриан как непреодолимо чуждых существ. Слишком велики были различия между двумя цивилизациями. В начале Эры Устрашения трисоляриане по неопытности открыли землянам некоторые факты об организации своего социума. Например, что родители, соединив свои тела при спаривании, умирают, распадаясь на нескольких «детей»; или что стариков и инвалидов принудительно дегидрируют и сжигают, чтобы повысить эффективность функционирования общества. В результате люди начали относиться к инопланетянам с величайшим ужасом и отвращением. Знаменитое изречение, когда-то брошенное людям трисолярианами, земляне подхватили и обернули против пришельцев:

«Вы клопы!»

Этой фразой трисоляриане хотели подчеркнуть огромный разрыв между двумя цивилизациями в научных знаниях и технологических достижениях. Но люди вложили в нее моральное и культурное осуждение. Как только на Трисолярисе пришли к власти сторонники мира, они попытались улучшить отношения между двумя народами, но историческое бремя и культурная пропасть были таковы, что их усилия не дали практических результатов. Трисоляриане были существами рациональными, мало подверженными эмоциям и сантиментам, а вот люди... Люди не могли забыть о зверствах, совершенных чужаками во время битвы Судного дня. Такая непримиримая ненависть казалась трисолярианам абсолютно иррациональной, они не понимали, как с ней бороться.

И тогда они вспомнили про Юнь Тяньмина и попытались найти ключ к сердцу землян в его разуме. Они записали все его сновидения, которые считали настоящей сокровищницей. Сам Тяньмин стал идолом для поклонников земной культуры. После тщательной обработки его сны были претворены в литературные и визуальные композиции, встретившие широкое одобрение среди трисоляриан. После тщательной адаптации эти работы были пересланы на Землю под видом творений трисолярианского искусства.

Осталось неясным, намеревались ли инопланетяне с самого начала обмануть людей. Возможно, отправка на Землю произведений Тяньмина была просто жестом, призванным продемонстрировать добрую волю. К тому же трисолярианской культуре был присущ крайний коллективизм, а потому концепция авторства у них практически отсутствовала. Слегка переделав сны Тяньмина согласно своим вкусам, они совершенно естественно стали считать их собственными произведениями. К тому времени трисоляриане уже более-менее научились базовым принципам сохранения тайны, поэтому когда земляне спросили об источнике этих творений, они не дали прямого ответа. Эта уклончивость была вершиной их способности ко лжи. Люди же и понятия не имели, что в распоряжении пришельцев есть человеческий мозг, который бес-

сознательно создает для них произведения искусства, и, само собой, пришли к заключению, что творцами были сами трисоляриане.

То, что сны Тяньмина были насквозь проникнуты идеями гуманизма и имели глубокие корни в человеческой культуре, должно было разбудить в людях подозрения, но чрезмерная самонадеянность, присущая Эре Устрашения, и искреннее восхищение, которое испытывали трисоляриане к земной цивилизации, сделали землян слепыми. Они верили: несмотря на то, что цивилизация Земли – это только-только проклюнувшийся в темном лесу росток, человечество уже выработало универсальные моральные ценности, применимые повсюду в мироздании независимо от места и времени. Им казалось естественным, что варвары-пришельцы так восторгаются земной культурой и подражают ей. Самым весомым доказательством универсального характера человеческих ценностей был тот факт, что трисоляриане, другая продвинутая цивилизация, должным образом стимулированная, создала произведения искусства, похожие на земные. Кроме того, в процессе адаптации трисоляриане добавили в сны Тяньмина некоторые трисолярианские элементы и подмешали несколько подлинно трисолярианских творений, сработанных в подражание земным, хотя и не такого высокого качества, как грезы Тяньмина. Полученный результат усыпил бдительность землян.

Слушая рассказ, АА припомнила еще одну «очеловеченную» трисолярианскую поделку.

– Погоди-ка... А ты случайно не приложил руку к созданию Томоко? – АА передернуло при мысли о трисолярианской «посланнице», которая являлась то в облике ниндзя, то в виде классической японской красавицы.

Тяньмин смущенно кивнул.

– Да. Томоко тоже вышла из моих грез...

Поскольку на Земле Тяньмин вел одинокий образ жизни, сторонясь общества, в его снах, пока он спал на трисолярианском корабле, появлялось не так уж много женских персонажей, если не считать матери, сестры и Чэн Синь. И все же одна женщина часто возникала в его воображении – иногда нежная и робкая, иногда страстная и дерзкая. Трисоляриане весьма заинтересовались этой таинственной фигурой и после долгих исследований с помощью софонов обнаружили, что ею была японская актриса из Общей Эры, которую звали Ран Асакава⁶. Студентом Тяньмин частенько наслаждался ее интернет-клипами, сидя в одиночестве в своей комнате в общежитии, а после того как начал работать, купил целую коробку ее фильмов. Ран, по всей видимости, являлась представительницей некоего проявления японской культуры, которое в ту эпоху пользовалось чрезвычайной популярностью в большей части Азии.

Поначалу трисоляриане уделяли Японии не слишком много внимания, но сны Тяньмина побудили их стратегов заинтересоваться этим географически изолированным государством. Они узнали, что Японские острова, лежащие на разломе тектонических плит, подвержены разрушительным природным катаклизмам, таким как землетрясения, цунами и извержения вулканов. Одно из самых сильных цунами, случившихся в конце Общей Эры, забрало жизни десятков тысяч человек. Многие японские лидеры высказывали озабоченность тем, что острова находятся в зоне нестабильности, и в течение своей истории Япония не раз совершала завоевательные походы на материк. О японцах отзывались как о людях суровых, дисциплинированных, приверженных строгому порядку... Не оставляет сомнений, что японский опыт стал для трисоляриан весьма полезен.

Наиболее поучительным эпизодом был для них один, произошедший задолго до рождения Юнь Тяньмина. Японцы осуществили кровавое вторжение на родину их пленника, в Китай, в результате которого обе нации стали непримиримыми врагами. Однако не прошло и нескольких десятков лет, как японская развлекательная продукция получила в Китае широчайшее распространение. Миллионы китайцев стали поклонниками японской культуры и фанатами

⁶ Современная японская порноактриса.

японских звезд, позабыв многолетнюю вражду. Исходя из этого, трисолярианские ученые пришли к выводу: чтобы заставить человечество забыть о нанесенных ему в сражении Судного дня жестоких ранах, надо повторить успех Японии.

Так появилась Томоко – в виде японки, смоделированной по образу Ран Асакавы.

– Вот оно что! – воскликнула АА. – После встречи с ней Чэн Синь рассказывала, что она напомнила ей иностранную актрису из ее времени, только не могла припомнить кого. Оказывается, вы оба были поклонниками этой актрисы!

– Чэн Синь была поклонницей Ран Асакавы?

– А что тебя так удивляет? – АА не могла понять, почему Тяньмин задал свой вопрос таким странным тоном.

– Гм-м... Не важно. – Тяньмин смущенно улыбнулся и покачал головой.

Презентации Томоко на Земле сопутствовал грандиозный успех. В середине Эры Устрашения люди начали все больше ценить традиционные «женские» качества, и сверхженственный образ Томоко соответствовал требованиям времени. Ее одежда, макияж и украшения стали задавать тон моде. Внешность Томоко ускорила тенденции в обществе, ради которых она и создавалась. Многие люди пришли к выводу, что если некогда жестокие, необузданные трисоляриане избрали для себя такой мягкий женственный облик, то это несомненный сигнал к тому, что подобная же эволюция в человеческом обществе совпала бы с общей эволюцией универсальных цивилизационных ценностей. Классическая строка из «Фауста», слегка модифицированная, стала символом новой концепции космической цивилизации:

«Вечная женственность влечет и нас, и трисоляриан вперед и вверх!»

Вскоре, однако, трисоляриане перестали следовать за цивилизацией Земли.

Движение за реформы на Трисоляриесе протянуло недолго. Слепое заимствование и подражание земной культуре не решали практических проблем трисоляриан. Эры Хаоса никуда не делись только потому, что общество «гуманизировалось». Положение даже ухудшилось. Благодаря расцвету индивидуализма старая авторитарная, милитаристская вертикаль власти распалась. Пока длилась Эра Порядка, различные фракции грызлись между собой, преследуя собственные интересы, и это привело к дроблению трисолярианского общества. С приходом Эры Хаоса фракции, вместо того чтобы консолидироваться, продолжали грызню, результатом которой стала гибель миллиардов трисоляриан. Через двадцать лет после установления нового режима рядовой трисолярианин не мог сказать ничего хорошего о положении вещей, и многие характеризовали новое правительство как «власть земных клопов, осуществляемая земными клопами для земных клопов»⁷.

Реформисты пытались решить свои политические проблемы путем демократических выборов – еще одного заимствования с Земли. Но результат оказался не тем, которого ожидали. Кандидаты – приверженцы старого режима получили подавляющее большинство голосов и вернулись во власть, после чего немедленно начали жестокое преследование «проземной» фракции. После нескольких десятилетий общественных волнений трисоляриане разочаровались в человеческих ценностях и в моду снова вошел строгий военный порядок. И опять в повестку дня вернулись вопросы стратегического обмана и завоевания Земли.

Новые ястребы обнаружили, к своему удовольствию, что великая стратегия лжи, по сути, уже увенчалась успехом. Люди в основной своей массе придерживались теперь мнения, что трисоляриане – дружественная и добрая раса. Ключевыми факторами успеха оказались художественные творения Юнь Тяньмина и некогда искреннее увлечение трисоляриан земной культурой.

⁷ Аллюзия на Геттисбергскую речь А. Линкольна, в которой он, конечно, говорит о «власти народа, осуществляемой волей народа для народа».

Теперь обман людей стал делом нетрудным. Люди сами вырвали у себя клыки. Ученые пришли к выводу, что процесс саморазоружения в человеческом обществе продлится еще около ста лет. Они давали больше 90 % гарантии, что почившее на лаврах человечество избереет следующим Держателем Меча кого-нибудь мягкосердечного и доброго; а у трисоляриан оставалось еще много других произведений Юнь Тяньмина, могущих послужить опиумом для человеческого рода. Трисоляриане пока еще были относительно неумелы в искусстве интриг и уловок, но они знали уже достаточно, чтобы позволить Томоко и дальше составлять цветочные аранжировки и проводить чайные церемонии – всё ради удовольствия землян.

Именно в этот период трисолярианские ученые провели первые успешные испытания светолетов с двигателями, искривляющими пространство. Люди более поздних эпох иногда недоумевали, зачем пришельцам Земля, с их-то передовыми технологиями? Ответ крылся в упорстве трисоляриан. Раз их Первый флот уже находится на пути к Земле, то, пожалуй, можно и довести миссию до конца. Светолеты служили дополнительной гарантией успеха. Если бы план захвата Земли провалился и человечество осуществило всеобщую космическую передачу, у трисоляриан было бы в запасе еще лет сто пятьдесят, чтобы построить большие светолеты с целью эвакуировать большинство населения Трисоляриса прежде, чем их постигнет удар темного леса. Принимая во внимание, сколько времени потребовалось, чтобы «заклятье» Ло Цзи подействовало, это была адекватная оценка.

Никто не мог предугадать, что удар темного леса, обусловленный всеобщей космической передачей, последует так быстро. Прошло всего три года – и Трисоляриса не стало.

* * *

Трисоляриане продолжали развивать планы по завоеванию Земли и наконец решили разбудить Тяньмина. Им больше не нужно было изучать его. Удовлетворенные, они сообщили, что хотят, чтобы он увидел пользу от активного сотрудничества с ними, но если он откажется, они не станут его принуждать. Его «вклад» в дело успешного обведения землян вокруг пальца так велик, что славная и щедрая раса трисоляриан будет счастлива позволить ему прожить остаток дней своих в мире и покое. Юнь Тяньмину предоставлялся выбор: либо продолжать существование в качестве грезящего мозга, либо стать полноправным членом трисолярианского общества.

Если бы Тяньмин выбрал последнее, это дало бы трисолярианам некоторые преимущества. Например, он мог бы предложить им более надежные способы маскировки их истинных намерений. Ученые Трисоляриса вычислили, что если напасть на Землю в момент передачи Меча следующему Держателю, то вероятность успеха составляет 87,53 %. Помощь Юнь Тяньмина повышала эту вероятность до 93,27 %. Если Тяньмин пойдет на предательство собственной расы, трисоляриане обещали после вторжения оставить в живых десять миллионов человек, которым будет предоставлена резервация в Австралии. Этого поголовья более чем достаточно, чтобы сохранить семена человеческой цивилизации.

А если бы Тяньмин отказался... Что ж, трисолярианам вполне хватит и их законных 87,53 % успеха. И тогда после завоевания Земли они введут в действие программу полного уничтожения человечества и других земных форм жизни. Разве что оставят для научных исследований пару-тройку видов да генетический банк данных. Пришельцы поклялись, что не только вырежут все население Солнечной системы, но и ударят «каплями» по «Синему космосу», чтобы земные клопы гарантированно не выжили нигде во Вселенной.

– Но это же немыслимый выбор! – не выдержав, перебила АА. Она понимала: что бы ни решил Тяньмин, его все равно можно обвинить в преступлении против человечества. Единственное слабенькое преимущество, которое получили бы люди в случае отказа Тяньмина, –

это снижение шансов Трисоляриса на успех с 93,27 % до 87,53 %, да и то еще вопрос, сумели ли бы они им воспользоваться. Уж очень призрачна была надежда.

– А что бы *ты* сделала на моем месте? – спросил Тяньмин.

– Я... я не знаю. – АА помотала головой. – Не могу выбрать.

– А если бы тебя принудили к ответу?

После долгого молчания АА ответила:

– Я... я бы согласилась.

Тяньмин так и поступил. Сотрудничество означало выживание хотя бы для маленькой части человечества, к тому же это была единственная возможность предупредить людей о нападении. Проверив через софоны, что заявления трисоляриан насчет условий на Земле и готовности флота к ведению военных действий соответствуют действительности, Тяньмин продолжил торговаться и вытянул из своих тюремщиков обещание увеличить количество землян, которым оставят жизнь, до пятидесяти миллионов и только после этого присягнул на верность Трисолярису.

У трисоляриан не существовало обычая приносить клятвы верности или чего-то подобного. Их мысли были видны всем, поэтому у них никогда не возникало проблем с установлением чьей-либо лояльности. Однако, поскольку хозяева Тяньмина не могли читать его мысли, они захотели устроить торжественную церемонию в ознаменование такого необычного события. Они изучили стародавние записи общества «Земля – Трисолярис» и создали ритуал, который можно было бы транслировать на весь Трисолярис и флот.

Глядя прямо в объектив камеры, угрюмый Тяньмин воздел кулак и провозгласил:

– Долой тиранию человечества! Мир принадлежит Трисолярису!

Интересно бы узнать, что об этой церемонии сказали бы Е Вэньцзе, Майк Эванс и прочие пионеры ОЗТ.

Вдобавок к клятве трисоляриане тщательно исследовали мозговую активность Тяньмина, чтобы убедиться, что он их не обманывает. Но после десятилетий противостояния их пыткам Тяньмин научился скрывать свои глубинные мысли от трисолярианских зондов. Он попросту прибег к естественному человеческому умению – самообману. Для этого требовалось лишь припомнить все те случаи, когда соплеменники на Земле издевались над ним или использовали его, а также вообразить себе ту чудесную жизнь, когда он станет королем выживших после вторжения. Трисолярианские ученые, наблюдая за его мозгом, увидели в нем страх, гнев и наконец решение уступить, основанное на анализе затрат и выгод. Тяньмин любезно уложил эти поверхностные мысли слоями: вот отчаяние и негодование на человечество, вот стыд за собственное предательство, а здесь самооправдания и жадное предвкушение благ, которыми он насладится позже. Все это соответствовало знаниям трисоляриан о человеческой психологии, что убедило их в искренности Тяньмина.

Но и после того как он принес присягу, трисоляриане упорно не желали показываться ему на глаза. Тяньмин никогда не видел своих хозяев. Они объясняли это тем, что, поскольку оба их вида живут в столь разных условиях, физическое присутствие требует существенной подготовки. К тому же стороны вполне эффективно могут общаться посредством виртуальных окон, открывающихся прямо в воздухе, так что встречи лицом к лицу им не нужны. Тяньмин недоумевал, почему трисоляриане не только не показываются сами, но не показывают и своих изображений. В конце концов он отложил эту загадку на потом, решив, что есть дела и поважнее.

Главной работой Тяньмина по-прежнему было создание произведений искусства для землян, а также редакция и шлифовка дипломатических сообщений и ведение неофициального обмена между обоими мирами. Существование Тяньмина должно было оставаться для людей тайной, и все, что он делал, проходило специальную цензорскую проверку, на случай если бы

он попытался передать на Землю разведывательную информацию. А в намерения Тяньмина как раз и входило предупредить людей об инопланетном вторжении.

Вскоре он обнаружил, что трисоляриане-цензоры не только сами не умеют обманывать, но и не в состоянии распознать обман. Они не умели читать между строк, поэтому для Тяньмина не составляло труда вкладывать тайный смысл в предназначенные для людей послания. В течение следующих десяти лет он многократно предупреждал человечество, зачастую даже через Томоко.

– Что?! – воскликнула потрясенная АА. – Но я не помню, чтобы мы получали какие-либо предупреждения!

– Я послал массу завуалированных сообщений! Например, помнишь научно-фантастический роман «Туманность Трои»? Это пересказ классического повествования о Троянской войне в виде космической оперы. Я намеренно подчеркнул эпизод, где космические греки только притворяются, будто отказались от вторжения, а потом подносят космическим троянцам дары, тем самым маскируя свои намерения. Книга хорошо продавалась на Земле, но никто, кажется, не понял ее истинного смысла.

– А, так вот о чем была эта книга! – удивилась АА. – Я догадывалась, что в ней скрыт какой-то политический подтекст, но думала, что речь о том, как Ло Цзи и Чжан Бэйхай только прикидываются, будто складывают руки или убегают от трисолярианского флота, а на самом деле пускают в ход хитрость, чтобы в конце концов одержать над врагом верх. Мне и в голову не приходило, что имелось в виду нечто противоположное.

– Девять человек из десяти думали так же, как ты. – Тяньмин вздохнул. – Самонадеянное человечество всегда воображало себя победителем, даже когда читало художественные книжки. Через некоторое время я сообразил, что мои намеки чересчур тонки, толку от них ноль. А годы шли, времени оставалось все меньше и меньше. Наконец я пошел на большой риск и создал киносценарий, в котором правда излагалась со всей прямоотой. Он назывался «Предательство небес» и был написан в жанре альтернативной истории.

В вымышленной вселенной сразу после введения системы устрашения трисоляриане с помощью различных уловок убивают Ло Цзи и нападают на Землю. Сцены вторжения трисолярианского флота поражали своей жестокостью. Тяньмин опасался, что был слишком прям, и приготовился умереть, после того как совет цензоров проверит его работу. Но трисоляриане не только одобрили сценарий, но даже сняли по нему голофильм и транслировали на Землю. Там он вызвал множество жарких дебатов, но совсем не таких, каких ожидал Тяньмин. Критики называли его «квинтэссенцией размышлений трисоляриан об ужасах прошлых войн и подтверждением их глубокой приверженности гуманистическим ценностям». Картину наградили «Оскаром» за лучший фильм, и Томоко, одетая в элегантное кимоно, получила приз от имени трисоляриан.

Но не стоило возлагать всю вину на человеческие высокомерие и глупость. Фильм представлял собой парадокс. Поскольку его предъявили Земле как произведение трисолярианских художников, то чем более злобными и кровожадными изображались инопланетяне, тем сильнее люди верили, что трисоляриане глубоко погрузились в процесс честного самопознания. Более того – поскольку все знали о полной неспособности инопланетян ко лжи, сама мысль о каком-то хитроумном заговоре казалась абсурдной. Хотя некоторые особо подозрительные личности, ратовавшие за жесткую линию в отношении Трисоляриса, кричали, что картина – это отображение истинных намерений пришельцев, большинство людей не обращали внимания на этих кассандр.

Но Тяньмин держал в рукаве еще несколько козырей.

Вдобавок к сочинению романов и сценариев Тяньмин был обязан помогать трисолярианским ученым фабриковать лживые фундаментальные теории, предназначенные для передачи земным ученым. Эти теории, будучи фальшивыми, должны были казаться верными, а такой

хитроумный обман был не по зубам подавляющему большинству трисоляриан. Поэтому они предоставили это занятие Тяньмину. Но тот обладал лишь степенью бакалавра, полученной в колледже двадцатого века, и ему трудно давались многие прорывные научные концепции.

Тяньмин почерпнул вдохновение в фэнтези-романах жанра уся⁸, которые читал в юности и в которых злодеи иногда похищали героев и силой принуждали их обучать своих захватчиков сверхсекретным, усовершенствованным приемам боя. Герои притворялись, будто прививают захватчикам требуемые навыки, но при этом с целью саботажа видоизменяли ключевые методы дыхания или меридианы течения энергии *ци*. Тяньмин брал подлинные научные теории трисоляриан и подправлял в них некоторые числа: то изменял на порядок кварковую константу, то удалял знак радикала из формулы, описывающей кривизну пространства, и тому подобное. Учитывая скорость, с которой прогрессировала наука человечества, земным ученым понадобятся десятилетия, прежде чем они смогут обнаружить мистификацию с помощью экспериментов. Узнав о его методе, трисоляриане объявили Тяньмина гением. Идея Тяньмина была совсем не сложной, но у ученых вызвала отвращение одна лишь мысль о том, чтобы обманывать кого-то с помощью ложных данных. В тех случаях, когда им приходилось заниматься фальсификацией самим, у них появлялась нестерпимая потребность к извержению фекальных масс.

– Теперь понятно! – прокомментировала АА. – Работая над диссертацией, я все время спотыкалась об одну константу, предоставленную трисолярианами, – какая-то она была неправильная. Я ломала-ломала голову и так ничего и не придумала. Едва не завалила защиту. А все ты виноват!

Тяньмин беспомощно улыбнулся:

– Собственно, таков и был мой план – намекнуть, что что-то неправильно. В то время как на экспериментальное опровержение многих моих «ошибок» понадобились бы долгие годы, некоторые я сделал так, что хватило бы только теоретических расчетов – и они вылезли бы сами. Я надеялся, что они станут подсказкой для земных ученых и предупредят о предательстве трисоляриан.

– Ох, какой же ты дурачок! – В АА заговорил «остепененный» ученый, решивший преподать урок нерадивому студенту. – А все потому, что ты всего лишь бакалавр и не понимаешь, как работает научное сообщество. Твой способ вбрасывания намеков бесполезен. Даже если бы кому-то и удалось экспериментально обнаружить подлог, то первой же реакцией со стороны ученых мужей было бы подвергнуть сомнению методы эксперимента. «Да как это так, да разве возможно экспериментально доказать ложность теорий, исходящих от трисоляриан? Ведь их наука опередила нашу минимум на несколько столетий!» и так далее.

Другие лаборатории даже не потрудились бы повторить опыт, чтобы проверить результат, а если бы и удалось как-то побудить их к этому, авторитетные теоретики напридумали бы кучу дополнительных гипотез, чтобы объяснить несоответствие. Ведь они всю свою академическую репутацию и карьеру построили на трисолярианских теориях и рванулись бы защищать свои гонорары зубами и когтями. Даже если бы у них закончились объяснения, они потребовали бы, чтобы наглец, усомнившийся в трисолярианах, разработал теорию получше, которая и объяснила бы результаты. И помоги тебе Господь, если в этой новой теории обнаружится хотя бы одна неточность, – они накинутся на тебя, как рой ос, и будут бить по этой единственной слабости, а все остальное им до лампочки. Причем в этом случае тебе еще, считай, повезло, потому что, скорее всего, на тебя, выскочку этакого, и внимания не обратят. Чтобы признанное научное сообщество отказалось от своих убеждений, всем этим заслуженным профессорам надо сначала помереть от старости.

⁸ Уся (*кит. 俠*) – приключенческий жанр китайского фэнтези (литература, телевидение, кинематограф), в котором делается упор на демонстрацию восточных единоборств.

Как бы там ни было, все старания Тяньмина предупредить человечество ни к чему не привели. Даже наоборот – его сотрудничество способствовало большому успеху трисолярианской лжи. Однако было в этом всем и кое-что позитивное: трисоляриане уверились, что Тяньмин свято блюдет интересы их мира. Его социальный статус невероятно возрос, и незадолго до начала решающей операции по завоеванию Солнечной системы ему предоставили право в любое время следить через софоны за событиями на Земле, хотя вступать в контакт с людьми по-прежнему не разрешали.

– Вот тогда-то я и увидел, как Чэн Синь выходит из гибернации. После этого я всегда, постоянно был с вами...

– Ты хочешь сказать «с ней», – поправила АА. – Я была третьим лишним, сама того не зная.

Причина вспышки ревности коренилась в тайне, которую знала только АА и которая имела отношение к Чэн Синь и Юнь Тяньмину. Эта тайна брала свое начало за двести лет до рождения АА – в Общую Эру, когда инопланетяне существовали только в научной фантастике.

Она касалась кое-кого, кто был АА и одновременно не был АА.

– Я и в самом деле говорю о вас обеих, – возразил Тяньмин. – АА, все те годы, что ты была рядом с Чэн Синь, я считал тебя своим лучшим другом. По правде говоря, ты показалась мне знакомой, как только я тебя впервые увидел...

– Хочешь сказать, я напонила тебе о Ран Аса-как-ее-там? – перебила АА.

– Конечно нет! Не знаю, как объяснить... Может, просто у тебя такая естественная харизма, что люди ощущают сродство с тобой. Ты была такая живая, постоянно носилась туда-сюда, так что даже софоны не всегда успевали...

– Погоди-ка. Ты все время наблюдал за нами через софоны?

– Да. С их помощью я был рядом с вами все эти годы. Я переживал все ваши испытания и злоключения, как будто они происходили со мной. Я все знаю. Я всегда был с вами.

Чэн Синь была глубоко растрогана, когда Тяньмин сказал ей то же самое, но реакция АА оказалась совершенно иной. Она смотрела на него, сузив глаза.

– Значит, ты подсматривал за нами, когда мы мылись в душе? И когда переодевались?

У Тяньмина отвисла челюсть. Такого поворота он не ожидал.

– Эй, отвечай, когда спрашивают!

– Нет! Клянусь, нет! – запротестовал Тяньмин, надеясь, что собеседница шутит. А та продолжала смотреть на него с подозрением. И Тяньмин покраснел. – Ну ладно. Сознаюсь. Я... я следил за Чэн Синь несколько раз, когда она... Но я это делал, чтобы защитить ее! А за тобой так и вовсе никогда не подсматривал!

– Ах вот как! Я для тебя, значит, рылом не вышла?! – АА почему-то рассердилась еще больше.

– Э-э... ну вообще-то, если по правде... – Тяньмин не знал, как ему выбраться с этого минного поля. – В Австралии, один раз, когда вы были в ванной вдвоем... ну ты же помнишь, сколько народу тогда было не прочь разделаться с Чэн Синь...

– Так ты все-таки подсматривал! Вот негодай! – АА вскинула кулачок с явным намерением врезать наглецу.

Тяньмин решил, что из этой ловушки не вырваться иначе, кроме как закрыть АА рот поцелуем. Наконец-то АА получила ответ, который ее удовлетворил.

* * *

Некоторое время спустя Тяньмин осторожно спросил:

– Ну что, больше не сердишься?

АА хихикнула:

– Ах ты недотепа! С чего ты взял, что я сержусь? Подумаешь, подглядывал! Только мужики из Общей Эры и воображают, что это что-то такое из ряда вон.

Тяньмин обнял ее и ласково поцеловал в лоб. Его сердце переполняла нежность. Он понимал, что АА старается поддерживать непринужденный тон, но в действительности они сейчас вспоминали об одном из самых страшных периодов в жизни человечества. АА шутила, чтобы уменьшить давящий на психику груз истории, но для Тяньмина это было бремя, от которого так просто не избавиться.

– Ты сказал, что следил за нами, – проговорила АА. – Но вскоре после того, как Чэн Синь вышла из гибернации, этот безумец Уэйд едва не убил ее. Ты... ты и это видел?

Улыбка исчезла с лица Тяньмина, сменившись грустью и сожалением. АА тут же раскалась.

– Прости, пожалуйста, Тяньмин! Я знаю, ты не виноват. Ты же был за несколько световых лет отсюда и только и мог, что беспомощно наблюдать. Должно быть, для тебя это было просто ужасно. Не вини себя. Ведь для Чэн Синь все закончилось хорошо.

Тяньмин испустил смешок, более похожий на всхлип. Под призрачным небом черного домена этот звук показался еще более щемящим.

– Беспомощно? Ах, если бы я и в самом деле был беспомощен! Если бы я действительно не смог ничего сделать, это было бы величайшим счастьем для человечества. Но я забрал у землян последнюю возможность избежать тотального уничтожения! И ты просишь, чтобы я не винил себя?

– О чем ты?

Ответ Тяньмина потряс АА до глубины души.

– В тот день я спас Чэн Синь.

Вот так, по прошествии четырех веков, на свет выплыла истинная подоплека постигшей Уэйда неудачи.

– Я стал следить за Чэн Синь с самого момента ее выхода из гибернации. Я так тосковал по ней, что не мог наглядеться – каждый ее жест, выражение лица очаровывали меня. Прошло несколько сот лет, и я даже не надеялся когда-либо увидеть ее так близко. Хотя нас разделяли световые годы, мне казалось, будто я рядом с ней. Несколько дней подряд я ничем другим не занимался, только смотрел на нее... пока она не получила тот звонок от Уэйда, когда он подделал твой голос.

– Видеозвонок... – протянула АА.

– Поскольку звонивший пригласил ее встретиться в каком-то глухом месте, я заподозрил неладное и задействовал софоны, чтобы проследить звонок. Я очень быстро выяснил, что звонила вовсе не ты, а Томас Уйэд, воспользовавшийся специальной программой. Я, конечно, ничего о нем не знал, но софоны раскопали, кто он такой и чем занимается. Я сразу понял его мотивы: он хотел стать Держателем Меча.

Открытие ошеломило меня. Чэн Синь поглощала все мои мысли, и я не заметил идущих в обществе дискуссий о том, что она – самый подходящий кандидат на пост Держателя Меча. Какое невероятное стечение обстоятельств! А все из-за того, что я подарил ей звезду, нашу звезду. Чэн Синь могла бы прожить остаток своих дней в мире и покое, если бы не мой подарок. В глазах благоговейщей публики она была святой, хозяйкой целого мира. Ее даже начали считать воплощением Богородицы!

Мне было хорошо известно, что Чэн Синь – как раз такой Держатель Меча, о каком мечтали трисоляриане. После ее победы на выборах Трисолярис атаковал бы без промедления. Инопланетяне считали ее неспособной нажать на кнопку и осуществить всеобщую космическую передачу. А поскольку трисоляриане были в этом совершенно уверены, уже не играло роли, как поступит Чэн Синь в решающий момент. Что бы она ни сделала, это ничего бы не изменило. Человечество было обречено.

Своей звездой я толкнул любимую женщину, а вместе с ней и все человечество на тропу, ведущую к краю пропасти.

Я проследил за Уэйдом и увидел, как тот, прежде чем отправиться на встречу, прячет во внутренний карман куртки старинный пистолет. Я не все знал об этом человеке и поэтому питал надежду, что он собирается лишь поугаать Чэн Синь. Конечно, он не станет стрелять, если она согласится снять свою кандидатуру. Фактически я даже уповал на то, что он ее убедит, – так было бы лучше и для нее, и для человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.